

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии

13 июня — 15 июня 2022 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва
2022

I. Грамматические процессы и системы в синхронии

Азам, Оливье. Синтаксическое значение предикативного употребления полной формы имени прилагательного в именительном падеже и его семантические последствия...	4
Апресян В.Ю., Копотев М.В. Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительными местоимениями в русском языке.....	5
Байков Ф.В. Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование.....	5
Белова Д.Д. Предикативное согласование с местоименными конъюнктами: экспериментальное исследование.....	8
Булыгина Е.Ю., Дмитриева Е.С., Трипольская Т.А. Однонаправленные и разнонаправленные глаголы в текстовой перспективе.....	11
Герасимова А.А. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке..	13
Давидюк Т.И. Лично-числовое согласование и взаимное расположение конъюнктов и предиката: экспериментальное исследование.....	15
Ермолова М.В. О предикативном употреблении причастий в русском языке XVII-XVIII вв.	17
Зевахина Н.А., Щипкова А.А. Металингвистическое сравнение в русском языке: корпусное и экспериментальное исследования.....	18
Князев М.Ю. Влияние регистра на оформление сентенциального актанта в русском языке: экспериментальное исследование.....	19
Крылов С.А. О некоторых базовых дихотомиях в сфере грамматики.....	22
Кувшинская Ю.М. Употребление неопределенных местоимений серии на <i>-либо</i> в контексте прямого отрицания.....	22
Лазуткина Е.М. Оператор <i>сила субъекта</i> в модельной семантике активных конструкций.....	23
Матханова И.П. Функционирование русских наречий цели в высказывании: актуализация каузируемой ситуации.....	23
Студеникина К.А. О роли числовой морфологии существительного в русских именных группах с сочинёнными модификаторами.....	24
Урысон Е.В. Некоторые принципы описания грамматической периферии.....	28

II. Грамматические процессы и системы в диахронии

Буденная Е.В. <i>Коньячку бы, да до дому</i> : хронология развития некоторых форм второго родительного падежа.....	29
Вернер И.В. Местоимения <i>той/того</i> и <i>его</i> в переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670-1680-е гг.).....	30
Галинская Е.А. Формы родительного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода в Лечебнике XVII века.....	30
Добровольский И.С. Формы типа <i>андрёви</i> в церковнославянских текстах Нового времени.....	31
Дьяченко С.В., Тер-Аванесова А.В. Фонемы /e/ и /ъ/ в заимствованных основах по данным южнорусских и среднерусских говоров XX века.....	31
Иордани Н.П. К вопросу о соотношении инфинитива с частицей <i>бы</i> и форм сослагательного наклонения в старорусских текстах.....	33
Кобозева И.М., Сердобольская Н.В. Функциональное распределение <i>аки</i> и	

како в истории русского языка.....	33
Макиева И.И. Форма родительного падежа отглагольных существительных в Харьковской кормчей XV – XVI вв.	35
Малышева А.В. Особенности синтаксической сочетаемости некоторых глаголов в западнорусских говорах (по материалам электронных корпусов).....	35
Мишина Е.А. Система прошедших времен в «Хожении игумена Даниила».....	36
Мольков Г.А., Шарихина М.Г. Грамматические явления в Требнике Никона (1658 г.) на фоне предшествующей церковнославянской богослужебной традиции XV–XVII вв. (на материале отдельных чинов).....	37
Новак М.О. “Панове рада” в среднерусских источниках XVI–XVII вв.: пути морфологической адаптации заимствования.....	37
Пекелис О.Е. Русские указательные местоимения в недейктических функциях: микродиахроническое исследование.....	38
Пенькова Я.А. Об инхоативном глаголе <i>учати</i> в среднерусской письменности.....	39
Пичхадзе А.А. Местоимение произвольного выбора <i>иже кѣто</i> в древнерусском языке.....	40
Томеллери В. Две неизвестные версии библейской песни Моисея (Исх 15: 1-19). На стыке перевода и переработки.....	40
Циммерлинг А.В. Перфект I и перфект II в древнерусском языке.....	41
Шевелева М.Н. Семантика начинательности глаголов с корнем <i>-ча-/-чьн-</i> в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего.....	43
Юрьева И.С. Употребление коррелятов при условных союзах в древнерусской оригинальной письменности.....	44

III. Вопросы грамматики болгарского языка (в сопоставлении с русским)

Алексова, Красимира Славчева. Индекс дискретизации грамматической информации в парадигме болгарского глагола.....	45
Dzhonova, Marina Georgieva. Stative constructions in Bulgarian – a syntactic description..	49
Иванова Е.Ю., Лесева, Светлозара Илиева. «На вкус и цвет товарищей нет»: эпистемический субъект при предикатах восприятия в болгарском языке.....	50
Карпенко Л.Б. Грамматические проблемы цифровой межкультурной коммуникации (на материале болгарского и русского языков).....	55
Koeva, Svetla Peneva. Bulgarian Passive Diathesis.....	56
Кукова, Христина Николова, Овсянникова М.А. Сентенциальные аргументы при предикатах зрительного и слухового восприятия в болгарском и русском языках.....	60
Стаменов, Максим Иванов. Предложения без подлежащих, безличные глаголы и формы выражения субъективности в болгарском языке.....	62
Tisheva, Yovka V. Temporal and Manner Modifiers of Stative Predicates in Bulgarian.....	64
Todorova, Maria A. Idiomatic and Idiomatised Predicative Constructions.....	67

Грамматические процессы и системы в синхронии

Оливье Азам

École Normale Supérieure, Centre de Linguistique en Sorbonne
(Париж, Франция)

Синтаксическое значение предикативного употребления полной формы имени прилагательного в именительном падеже и его семантические последствия

Когда имя прилагательное стоит в краткой форме, оно всегда является предикативным прилагательным. Поскольку в современном языке употребление краткой формы в функции определения уже невозможно, другой синтаксической интерпретации не может быть. Но не так однозначен статус имени прилагательного, когда именная часть сказуемого сводится к полной форме прилагательного в именительном падеже. Помимо структурно-двусмысленных высказываний типа *Река там глубокая, волосы у него седые*, в которых имя прилагательное может быть интерпретировано как вынесенное в конец предложения определение, функция прилагательного в таких простых двусоставных предложениях, как *Он умный, эти фрукты сочные*, не столь очевидна, как кажется на первый взгляд.

При употреблении краткой формы признак приписывается подлежащему *абсолютно*, то есть *непосредственно*. При употреблении же полной формы в именительном падеже признак приписывается подлежащему только *относительно*, посредством существительного с *тавтологическим* или *родовым* значением (*эти фрукты сочные, он человек умный*). Существительное-посредник опускается в виду своей нулевой информативной загрузки. На поверхности в составе именной части сказуемого остается только имя прилагательное, определение опущенного существительного. Получается, что любое предикативное прилагательное в именительном падеже является результатом *номинализации*, что и имеет решительное влияние на выбор между именительным падежом полной формы и краткой формой предикативного прилагательного.

Опираясь только на общепринятые семантические объяснения и не принимая в расчёт исходного статуса определения предикативного прилагательного в именительном падеже, иностранец не поймёт, почему говорят *Бог вечен*, если «постоянный признак предмета» обозначаются полными формами, или почему в одном контексте *Маша, ты глупая* покажется жестче, чем *Маша, ты глупа*, а в другой ситуации — наоборот: *Маша ты глупа* прозвучит категоричнее.

Мы покажем, что именно синтаксический подход позволяет объяснить ряд ограничений (напр., на употребление полной формы в именительном падеже, если подлежащее «уникально в своем роде» или если прилагательное имеет сильное управление) и также ряд нюансов, традиционно приписываемых семантике каждой формы (напр., выражение краткой формой временного или чрезмерного признака (*он сейчас болен, эта юбка узка*)).

Апресян Валентина Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт
русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
(Москва, Россия)
vapresyan@hse.ru

Копотев Михаил Вячеславович

Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
mihail.kopotev@helsinki.fi

**Автономные дистрибутивные конструкции с вопросительными местоимениями в
русском языке**

Доклад посвящен одному типу русских дистрибутивных конструкций вида кто куда, кто о чем, когда как, которые имеют в своем составе два вопросительно-относительных местоимения и выражают значение ‘разные X характеризуются разными Y’. Материал, собранный в НКРЯ и RuTenTen, позволяет утверждать, что конструкции без правого предиката (Дети разбежались кто куда) образуют особую разновидность, отличную от косвенных дистрибутивных вопросов (Выясни, кто когда приехал) и квазирелятивов (Можно взять вещей кто сколько унесет). Эти отличия описываются в докладе на семантическом, прагматическом, синтаксическом, сочетаемостном и коммуникативном уровнях. Главные выводы нашего исследования состоят, во-первых, в том, что, разные местоимения в разной степени притягиваются или отталкиваются от дистрибутивной конструкции. Во-вторых, частотность употребления, синтаксические особенности и степень идиоматизации разных вариантов исследуемых конструкций имеют семантические, коммуникативные и прагматические основания.

Байков Федор Владимирович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

**Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное
исследование**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037
«Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в
МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Как известно, русский язык относится к языкам с отрицательным согласованием: в предложениях, содержащих *ни*-местоимениями и/или наречиями (далее NCI, *англ.* negative concord items), обязательно должно быть прилагательное отрицания *не* [Падучева 2017; Szabolcsi 2018].

Несмотря на значительное число работ, посвященных отрицательному согласованию в русском языке [Brown 1999; Garzonio 2019; Erschler 2021; Lyutikova 2021, *i.a.*], ограничениям на дистрибуцию NCI в пределах клаузы уделялось сравнительно мало внимания. Единственным известным автору исключением является дипломная работа [Рожнова 2009], где предпринимается попытка описать условия лицензирования NCI через границы различных лексических категорий (ИГ, групп прилагательного и причастия, деепричастных оборотов и др.), отделяющих NCI от приглагольного отрицания. Выводы автора основываются на корпусных данных НКРЯ и суждениях небольшого количества опрошенных автором носителей.

Между тем данные об ограничениях на лицензирование NCI через границы разных категорий могут помочь прояснить его природу. В существующей генеративно-синтаксической литературе предлагаются различные механизмы моделирования отрицательного согласования: согласование NCI с лицензором (вершиной Neg⁰ или оператором на левой периферии) [Zeijlstra 2004] либо скрытое передвижение NCI к лицензору [Brown 1999]. В последнем случае это передвижение должно подчиняться обычным ограничениям, таким как Условие на области извлечения (CED) [Huang 1982]. Если же лицензирование NCI не связано с передвижением, на его локальность должна влиять только признаковая интервенция и границы фаз.

В докладе я собираюсь представить результаты экспериментального исследования одного из обобщений, выдвинутых в [Рожнова 2009]: лицензирование NCI внутри группы прилагательного (далее AdjP) возможно только тогда, когда эта AdjP является предикатом, а не модификатором при существительном. Таким образом, структура (1a) допустима, а (1b) неграмматична.

- (1) a. [_{NegP} *ne* ... [_{PredP} ... Pred⁰ [_{AdjP} Adj⁰ ... NCI]]]
b. * [_{NegP} *ne* ... [_{DP} D⁰ ... [_{AdjP} Adj⁰ ... NCI]]]

В эксперименте на оценку приемлемости предложений, проведенном в мае 2021 года, приняли участие 60 носителей русского языка. Четыре экспериментальных условия представляли собой: NCI внутри AdjP, модифицирующей неаккузативное подлежащее в генитиве отрицания (2); NCI внутри AdjP, модифицирующей именной предикат в инструменталисе (3); NCI внутри предикативной AdjP, возглавляемой полной формой прилагательного в инструменталисе (4); NCI внутри предикативной AdjP, возглавляемой краткой формой прилагательного (5). Атрибутивные AdjP при генитивных подлежащих рассматривались отдельно, поскольку такие ИГ, будучи нереферентными, исключают возможность возникновения семантического конфликта с нереферентным NCI. Кроме того, они могут быть ИГ малой структуры (NP в отличие от DP в аргументных позициях в других контекстах) и содержать меньшее количество функциональных проекций.

- (2) В следующем разделе не было простой ни для кого из школьников задачи.
(3) Следующее задание не было простой ни для кого из школьников задачей.
(4) Следующая задача не была простой ни для кого из школьников.
(5) Следующая задача не была проста ни для кого из школьников.

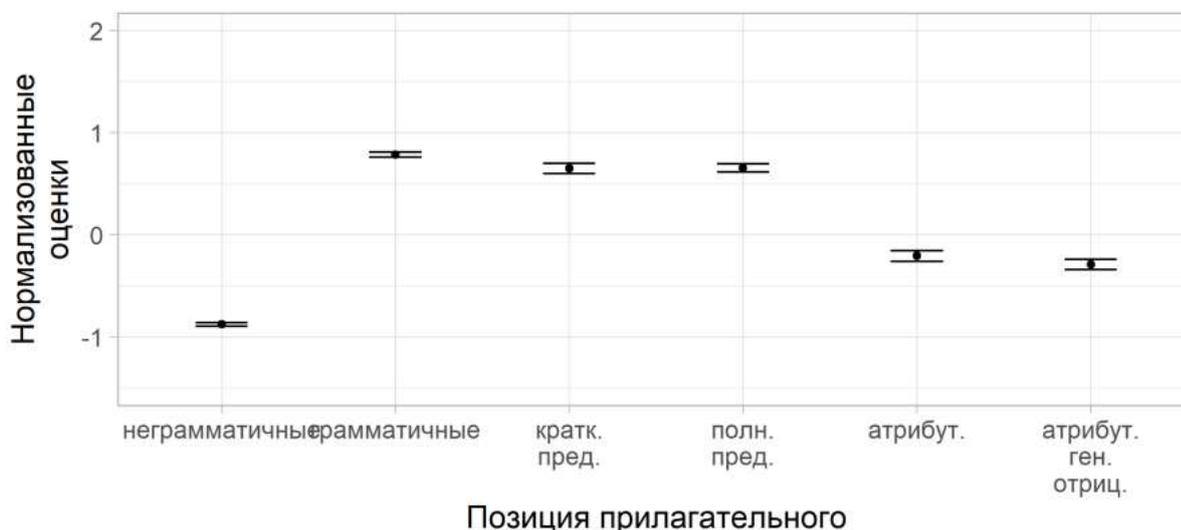
Таким образом, сравнивались все три практически возможные комбинации категориального статуса (ИГ или AdjP) и синтаксической функции (аргумент или предикат): предикативные AdjP (с краткими и полными формами прилагательных), предикативные ИГ в инструменталисе и аргументные ИГ (генитивные подлежащие). Четвертая логически возможная комбинация – аргументные AdjP – реально не встречается.

Всего участники оценивали 48 предложений (16 экспериментальных, 32 филлерных) по 7-балльной шкале Ликерта.

Результаты эксперимента однозначно подтверждают обобщение, сделанное М. Рожновой. Парное сравнение показывает, что предложения с NCI внутри предикативных AdjP получают высокие оценки независимо от того, краткая или полная форма прилагательного возглавляет AdjP, и их оценки не отличались статистически значимо от грамматичных

филлеров. Предложения с NCI внутри атрибутивных AdjP получили значимо более низкие оценки независимо от наличия генитива отрицания, хотя оба эти условия и оценивались выше неграмматичных филлеров (которыми были предложения с NCI в отсутствие приглагольного отрицания). Таким образом, их приемлемость не повышает даже генитив отрицания, обычно улучшающий оценки предложений с единицами, нуждающимися в лицензировании отрицанием [Корнакова и др. 2016].

Диаграмма с результатами эксперимента представлена ниже.

Хотя сами по себе ни границы AdjP, ни границы ИГ не являются препятствием для лицензирования NCI, их сочетание приводит к невозможности такого лицензирования. Это различие можно объяснить различием в аргументно-адъективном статусе AdjP в (1), которое может быть формализовано с помощью различного способа их встраивания в структуру предложения [Chomsky 2004].

Результаты проведенного эксперимента являются также еще одним аргументом против подходов, рассматривающих предикативные AdjP в качестве модификаторов нулевых или элидированных существительных [Babby 1973; Bailyn 2012: sec. 2.6.1] (аргументы в пользу такого анализа и против него рассматриваются в [Grashchenkov 2018: разд. 2.2.3.3]). При таком анализе между предложениями с атрибутивными и предикативными AdjP не было бы никаких структурных различий, которые могли бы объяснить способность только предикативных (но не атрибутивных) AdjP содержать NCI, лицензируемые глагольным отрицанием.

Литература

- Гращенко 2018 — П. В. Гращенко. *Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности*. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2018.
- Корнакова и др. 2016 — Корнакова Е.В., Лютикова Е.А., Гращенко П.В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке // *Рема*. 2016. №4. С.58–82.
- Падучева 2017 — Е. В. Падучева. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.
- Рожнова 2009 — М. А. Рожнова. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ, 2009.
- Babby 1973 — Babby L. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // *Language*, 1973, №49(2). P. 349–360.
- Bailyn 2012 — Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge University Press, 2012.

- Brown 1999 — Brown S. *The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach*. Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1999.
- Chomsky 2004 — Chomsky N. Beyond Explanatory Adequacy // A. Belletti (ed.). *Structures and Beyond: The Cartography of Syntactic Structures*, Volume 3. New York: Oxford University Press, 2004. P. 104-131.
- Erschler 2021 — Erschler D. Colloquial emphatic negation in Russian and morphology of negative concord. Talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.
- Garzonio 2019 — Garzonio J. Negative Concord in Russian: An Overview // *Studi di linguistica slava*. P. 175-190.
- Huang 1982 — Huang, C.-T. J. *Logical Relations in Chinese and the Theory of Grammar*. Ph.D. dissertation. MIT, 1982.
- Ljutikova 2021 — Ljutikova E. On the structure of Russian infinitival clauses, with special attention to negative concord. Plenary talk given at Formal Approaches to Slavic Linguistics 30 conference, May 2021.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. *Sentential Negation and Negative Concord*. PhD dissertation. Amsterdam: University of Amsterdam, 2004.

Белова Дарья Дмитриевна

МГУ им. Ломоносова,
Междисциплинарная научно-образовательная школа МГУ им. М.В. Ломоносова «Мозг,
когнитивные системы, искусственный интеллект»
(Москва, Россия)
dd.belova@yandex.ru

Предикативное согласование с местоименными конъюнктами: экспериментальное исследование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Настоящее исследование посвящено вариативности согласования предиката по лицу и числу с подлежащими, выраженными сочиненными местоимениями. В том случае, если в сочиненной конструкции в позиции подлежащего присутствуют конъюнкты с разными значениями ф-признака, в том числе лица, возможны три стратегии выбора формы предиката. Первой является стратегия *разрешения* (*resolution*), при которой из двух значений выбирается одно, при этом предикат имеет форму множественного числа даже в том случае, если оба конъюнкта стоят в единственном. В частности, при согласовании в соответствии с *личной иерархией* (ЛИ) предикат принимает то значение признака лица, которое находится выше в иерархии $1 > 2 > 3$ [Zwicky 1997]. Второй стратегией является *частичное согласование*: предикат принимает и признак лица, и признак числа у одного из конъюнктов. Например, в литературе описывается т.н. *согласование с ближайшим конъюнктом* (*Closest Conjunct Agreement*) и его разновидность – *согласование с первым конъюнктом* (*First Conjunct Agreement*) в конфигурации, когда предикат стоит перед сочиненной группой [Munn 1999; Воšković 2009; van Koppen 2006]. Интересно отметить, что согласование с ближайшим конъюнктом часто фиксируется в языках с базовым порядком слов VS, таких как уэльский и арабский, а также вариативно либо в определенных контекстах в языках, где

стандартной стратегией является разрешение, но ограничения на порядок слов допускают заглагольную позицию субъекта, как в чешском (1). Наконец, если по каким-то причинам ни одна из двух перечисленных выше стратегий не может примениться, выбирается *дефолтное согласование* – форма предиката, не зависящая ни от каких признаков субъекта [Nevins & Weisser 2018].

- (1) ЧЕШСКИЙ
- a. *Já a ty zůstaneme doma.*
я и ты остаться.FUT.1PL дома.
'Я и ты останемся дома'.
[Driemel 2018]
- b. *Půjdu tam já i ty.*
идти.FUT.1SG там я и ты
'Я и ты оба пойдем туда'.
[Johannessen 1996]

В русском языке, согласно нормативным грамматикам, «если в составе ряда объединяются местоимения 1 и 2 или 1 и 3 лица, то уподобляющей (в значении лица) всегда оказывается форма 1 л.» – то есть стратегия разрешения в соответствии с ЛИ [Русская грамматика 1980: 243-244]. Однако существует несколько предпосылок к тому, чтобы исследовать потенциальную вариативность предикативного согласования экспериментальными методами. Во-первых, подобные экспериментальные исследования проводились для других языков и подтверждали приемлемость различных стратегий. В работе [Timmermans et al. 2004] показано, что носители немецкого и нидерландского языка часто согласуют предикаты и рефлексивные местоимения с подлежащими с конъюнктами второго и третьего лица по форме 3p1, а не 2p1, что противоречит ЛИ. Частичное согласования по ф-признакам в славянских языках также изучалось экспериментально, например, для боснийского / хорватского / сербского [Čordaliija et al. 2020] и словенского [Marušič et al. 2007, 2015].

Во-вторых, существуют свидетельства частичного согласования по ф-признакам и в русском языке. Корпусное исследование [Пекелис 2013] показывает, что конструкции с препозицией глагола упрощают частичное согласование по роду и числу с конъюнктами с повторяющимися союзами (2). Также корпусные (в том числе диалектные) данные русского языка анализируются в работе [Corbett 1985]. Г. Корбетт делает вывод, что согласование по множественному числу очевидно более предпочтительно в препозиции субъекта и «маргинально предпочтительно» в постпозиции и в литературных, и в диалектных текстах. Тем не менее, примеры частичного согласования встречаются в предложениях с обоими порядками слов и текстов обоих типов (3)

(2) *Я знал, как у Сережи моментально менялся и тон, и выражение лица*

- (3) a. *Раньше отец, мать благословляет молодых.*
b. *Заплачет мать и мой отец.*

Наконец, в-третьих, изучение согласования с сочиненными группами, где обоими конъюнктами выступают местоимения единственного числа, исключительно корпусными методами практически невозможно. Подобные конфигурации представляют из себя достаточно специфичный контекст с точки зрения прагматики (должна быть ситуация, требующая отделения двух участников друг от друга, иначе говорящий мог бы объединить их одним местоимением множественного числа) и информационной структуры. Для конъюнктов «я и ты» / «ты и я» с двумя порядками относительно глагола настоящего

времени в НКРЯ находится суммарно 25 вхождений; «я и ты» в заглагольной позиции не встречается ни разу. Ожидаемо, во всех этих примерах мы наблюдаем нормативное согласование по 1pl.

Таким образом, представляется важным применить методы экспериментального синтаксиса к исследованию приемлемости различных стратегий предикативного согласования с местоименными конъюнктами разного лица в зависимости от порядка слов и порядка конъюнктов: опрос большого числа носителей и статистическая обработка полученных данных позволит надежно обнаружить вариативность, если таковая есть. Мы провели два эксперимента с использованием методики извлечения суждений по шкале Ликерта 1–7 (где оценка 1 соответствует «плохому», неприемлемому предложению, оценка 7 – «хорошему», приемлемому). Эксперименты имели идентичный дизайн с двумя проверяемыми факторами: порядком конъюнктов («я и ты» или «ты и я») и формой предиката (согласование по ИЛ – 1pl, частичное согласование с одним из конъюнктов – 1sg и 2sg, дефолтное согласование – 3pl). В одном эксперименте стимулы имели структуру SVO, в другом — OVS, лексикализации стимулов были идентичны. Пример экспериментальных блоков SV- и VS-экспериментов приведены в (5). Тестовые стимулы чередовались с грамматичными и неграмматичными филлерными предложениями; в неграмматичных филлерах встречались очевидные ошибки в согласовании по лицу с сочиненной именной группой и ошибки в падежном управлении предлогов.

- (5) а. [*Я и ты / ты и я*] покупаем / покупаю / покупаешь / покупают телевизор для бабушки.
б. Телевизор для бабушки покупаем / покупаю / покупаешь / покупают [*я и ты / ты и я*].

Эксперименты распространялись в социальных сетях и на платформе «Яндекс.Толока» (<https://toloka.yandex.ru>). Первый эксперимент прошли 107 респондентов-носителей русского языка, второй эксперимент – 126 респондентов. Результаты показывают, что все три стратегии предикативного согласования получают оценки выше, чем неграмматичные филлеры, то есть являются потенциально возможными. Нормативная стратегия разрешения в соответствии с ЛИ, то есть форма 1pl, получает наиболее высокие оценки при обоих порядках слов и при обоих порядках конъюнктов. Стратегия дефолтного согласования по 3pl также получает оценки на одном уровне относительно порядка конъюнктов, то есть не имеет различий в оценках между «я и ты» и «ты и я». Приемлемость же стратегии частичного согласования, в отличие от двух первых, зависит от позиции субъекта относительно предиката. В SV-эксперименте фактор порядка конъюнктов оказался незначимым, а предложения с формами глагола 1sg и 2sg получили наиболее низкие оценки. В VS-эксперименте наблюдается явный эффект согласования с ближайшим конъюнктом: после предиката в форме 1sg сочиненная конструкция «я и ты» получает значимо более высокие оценки, чем «ты и я», и аналогичная закономерность обнаруживается с формой 2sg. Те конфигурации, где глагол и первый конъюнкт совпадают по лицу, также оцениваются выше, чем дефолтное согласование.

Таким образом, мы получили экспериментальное подтверждение того, что в русском языке заглагольное положение субъекта повышает допустимость не синтаксических, но пост-синтаксических механизмов предикативного согласования.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Источники:

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис.

Пекелис 2013 — Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с

- повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей. // Вопросы языкознания. Вып. 4. – 2013. – С. 55–86.
- Bošković 2009 — Bošković, Ž. Unifying first and last conjunct agreement. // *Natural Language & Linguistic Theory*, 27(3). – 2009. – С. 455-496.
- Corbett 1985 — Corbett G. Hierarchies, Targets and Controllers. *Agreement Patterns in Slavic*. – London & Canberra: Croom Helm. – 1985.
- Driemel 2018 — Driemel I. Person mismatch agreement. // *Proceedings of the 48th North East Linguistic Society / Sherry Hucklebridge & Max Nelson (eds.)*. – UMass Amherst: GLSA Publications. – 2018.
- Harbert & Bahloul 2002 — Harbert, W., Bahloul, M. Postverbal subjects in Arabic and the theory of agreement. // *Themes in Arabis and Hebrew Syntax*. – Dordrecht: Springer. – 2002. – С. 45–75.
- Johannessen 1996 — Johannessen J.B. Partial agreement and coordination. Remarks and Replies. // *Linguistic Inquiry*. – 1996. – С.661–676.
- van Koppen 2006 — van Koppen M. One Probe, Multiple Goals: the case of First Conjunct Agreement. // *Special Issue of Leiden Papers in Linguistics 3.2 / M. van Koppen (ed.)*. – 2006.
- Munn 1999 — Munn, A. First conjunct agreement: Against a clausal analysis. // *Linguistic inquiry*, 30(4). – 1999. – С. 643-668.
- Nevins & Weisser 2018 — Nevins A., Weisser P. Closest Conjunct Agreement // *Annual Review of Linguistics*, 5(1). – 2018. – С. 219–241.
- Timmermans et al. 2004 – Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on agreement: person agreement between coordinated subjects and verbs in Dutch and German. // *Linguistics* 42. – 2004. – С. 905–929.
- Zwicky 1997 — Zwicky, A. Hierarchies of Person. // *Chicago Linguistics Society*. – 1997. – С. 714–733.

**Булыгина Елена Юрьевна
Дмитриева Екатерина Сергеевна
Трипольская Татьяна Александровна**

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)
tatianatripolskaya@gmail.com

Однонаправленные и разнонаправленные глаголы в текстовой перспективе

Доклад посвящен исследованию текстового потенциала одно- и разнонаправленных глаголов движения (на материале оригинального и переводного текстов Р. Süskind «Die Geschichte von Herrn Sommer»).

Для русских глаголов движения релевантным является понятие направления, так как любое перемещение осуществляется в пространстве по определенной траектории. В рассматриваемых языках этот параметр движения интерпретируется языковыми системами по-разному.

Глаголы направленного движения в русском языке тяготеют к регулярному противопоставлению по признаку однонаправленность – неоднаправленность. Это грамматическая классификация глагольных лексем (РГ-80), однако семантика направления может быть представлена и иными языковыми способами: словосочетаниями *отправиться*

в путь, держать путь, быть в дороге, дорога ведет и пр., приставками заходить, вбегать, вынырнуть, войти, выходить и пр. и разговорно-просторечными формами типа свистать/усвистать, тащиться/таскаться и пр.

В немецком языке в отличие от русского разграничение семантики одно- и разнонаправленности, как правило, выражается при помощи немаркированного глагола и соответствующих распространителей (наречий местоположения и направления, предложно-падежных конструкций, прямых дополнений и др.).

Представим соотношение русских одно- и неоднаправленных глаголов с немецкими: *идти/ходить* – *gehen*, *ехать/ездить* – *fahren*, *бежать/бегать* – *laufen (rennen)*, *лететь/летать* – *fliegen*, *плыть/плавать* – *schwimmen*, *блестить/блестеть* – *schlendern* и др. Ср.: глагол *gehen* (ходить) в разных контекстах выступает как однонаправленный и разнонаправленный глагол: *Ich ging auf dem Weg* – Я шел по дороге (однонаправленный глагол, отражающий конкретное и некротное действие); *Sie waren den ganzen Tag durch die Strassen gegangen* – Они весь день ходили по улицам (разнонаправленный глагол, отражающий отвлеченное и кратное действие).

Отметим в первую очередь те параметры процесса движения, зафиксированные в языке, которые наиболее актуальны для лексико-грамматической организации оригинального и переводного текстов: движение однонаправленное (*идти, бежать* и др.); разнонаправленное (*ходить, бродить* и др.); способ передвижения (*идти, плыть* и др.); средство передвижения (*идти пешком, ехать на велосипеде* и др.); скорость (*идти, бежать, тащиться, плестись* и др.); направление + цель передвижения (*идти в школу, бесцельно бродить по лесу*); совершать попутно какие-либо действия (*зайти по пути, занести по пути* и др.).

Насыщенность текста единицами разных частей речи со значением движения (в первую очередь глаголами) организует хронотоп повести: семантика пространства и времени актуализируется именно с помощью лексики движения.

В этой текстовой парадигме ключевая роль принадлежит одно- и разнонаправленным глаголам. Каждый из главных персонажей включен в художественный нарратив с помощью лексики движения: если господин Зоммер – пешеход, демонстрирующий невероятно энергичное и однонаправленное движение, то мальчик, глазами которого мы видим все события, проживает свою жизнь в самых разнообразных передвижениях: горизонтальное и вертикальное (на дерево, на крышу, на гору, на лестницу – идея роста), сверхбыстрое (нести) и медленное (плестись), с помощью ног и на велосипеде, по земле и по воде. Способы передвижения мальчика и других персонажей противопоставлены принципиально иному перемещению господина Зоммера: постоянному и повторяемому, выраженному с помощью глаголов НСВ, только пешему по горизонтальной плоскости, с невероятной скоростью и четким направлением, но без определенной цели, понятной наблюдателю и читателю.

В семантике однонаправленных глаголов присутствует производная потенциальная сема «цель движения». В тексте же главная загадка (загадка только для маленького наблюдателя и до поры для читателя), куда и зачем идет, шагает, стремится, топает Зоммер. Практически все глаголы и другие средства текста, актуализирующие направление, находятся в контексте, который не просто погашает сему «цель движения», но и вовсе ее исключает. Таким образом, главный семантический парадокс создается благодаря внутритекстовому противопоставлению "определенное направление" и "отсутствие какой-либо цели" передвижений главного героя. В конце повести бесцельность движения приобретает определенность: главный герой убегает не куда-то, а от чего – от клаустрофобии – твердым энергичным шагом он направляется в озеро.

Герасимова Анастасия Алексеевна

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anastasiagerasimova432@gmail.com

К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Биноминативное предложение – это предложение, образованное двумя именными группами в именительном падеже (структурная схема N1 — N1 [РГ-80]). В докладе мы ставим цель определить набор формальных признаков для классификации биноминативных клауз в русском языке.

Особый интерес исследователей к биноминативным предложениям связан с тем, что в данных конструкциях есть два потенциальных контролера предикативного согласования. При этом оба потенциальных контролера маркированы именительным падежом, а значит, появляется возможность отделить фактор падежного маркирования от согласования по грамматическим признакам лица, числа и рода. Сравнение биноминативных предложений, в которых контролеры имеют различные значения признаков, позволяет установить, какие значения грамматических категорий способствуют выбору той или иной стратегии согласования. Подобное распределение согласовательных моделей важно в контексте вопроса об источнике возникновения признаков асимметрий при согласовании. Феномен ограничения на лично-числовое согласование, явление всеядного согласования, а также особый статус согласования по лицу приводят исследователей к необходимости задать различия грамматических признаков структурно.

Примечательно, что варьирование при согласовании фиксируется не для всех биноминативных предложений, но только для определенного типа клауз. Центральным в области исследования биноминативных структур является противопоставление предикативных и специфицирующих предложений, которое впервые было предложено в классификации Ф.Р. Хиггинса [Higgins 1979]. Данное противопоставление проводится по трем основным критериям: по соотношению денотативных статусов именных компонентов, синтаксическим ограничениям, а также особенностям информационной структуры. Как показывают исследования на материале нидерландского, немецкого, фарерского, исландского языков, только специфицирующие предложения допускают вариативный выбор контролера согласования [den Dikken 2006, Hartmann, Neuscock 2020].

Наиболее полная классификация биноминативных предложений в русском языке, разработанная Е.В. Падучевой и В.А. Успенским ([Падучева, Успенский 1979]), задается соотношением денотативных статусов именных компонентов, а также тем, какая из двух именных составляющих является контролером согласования. Если по первому, референциальному, критерию классы Е.В. Падучевой и В.А. Успенского сопоставляются с теми, которые выделяются для германских языков Ф.Р. Хиггинсом, то применение согласовательного критерия приводит к необходимости выделять класс, в котором соотношение денотативных статусов вовсе не учитывается. Сами авторы выделяют также ряд случаев, являющихся проблемными для классификации. Наконец, классификация не учитывает варьирование при согласовании. Адаптация классификации Ф.Р. Хиггинса к материалу русского языка, проведенная в работе Л. Гайст [Geist 2007], при этом оказывается

неудовлетворительной, поскольку не учитывает особенности употребления русских биноминативных предложений, связанные с актуальным членением.

В докладе мы приводим несколько аргументов против использования согласовательных характеристик в качестве критерия для классификации биноминативных предложений. Мы показываем, что создание отдельного класса предложений идентификации в классификации Е.В. Падучевой и В.А. Успенского, которые не анализируются с позиций денотативного статуса, а также выделение нескольких групп проблемных случаев, вызваны тем, что в рассматриваемых предложениях грамматична модель согласования, которая является нетипичной для «центральных» классов классификации.

В докладе мы высказываем предположение о том, что приемлемость различных моделей согласования в биноминативных предложениях может определяться дополнительными факторами, как из области коммуникативных преобразований, так и связанных с конкретными значениями грамматических категорий контролера согласования. В частности, мы демонстрируем, что ни в одном из рассматриваемых Е.В. Падучевой и В.А. Успенским предложений альтернативные варианты согласования не запрещены. В работе мы не ставим цели привести исчерпывающий список факторов, определяющих варьирование, но иллюстрируем нашу мысль, выделяя несколько потенциальных причин вариативности. Так, приемлемость различных вариантов согласования в биноминативных предложениях может определяться линейно-акцентной схемой предложения. Мы показываем также, что выбор контролера согласования может определяться фактором удаленности предиката и контролера согласования. Наконец, в биноминативных предложениях может наблюдаться эффект синкретичного согласования, который проявляется как повышение приемлемости в случае совпадения функционально различных грамматических категорий и форм.

Учитывая важность материала биноминативных предложений для проблематики согласования, мы предполагаем, что классификация русских биноминативных клауз должна отвечать следующим требованиям: с одной стороны, классы должны сопоставляться с оппозицией специфицирующих и предикативных биноминативных предложений, которая мыслится универсальной; с другой стороны, в классификации необходимо учитывать многообразие линейно-акцентных схем, доступных для русских биноминативных структур. Сопоставление материала различных языков, которые отличаются набором доступных значений грамматических параметров, позволит более широко взглянуть на феномен согласования, в частности, на соотношение грамматических категорий и их значений. Как показывают материалы германских языков, именно искомая оппозиция представляет собой эмпирический полигон для исследования варьирования при выборе контролера согласования. При этом сравнение классификации Е.В. Падучевой и В.А. Успенского с классификацией, представленной в работе Л. Гайст, подчеркивает необходимость учитывать также акцентную схему предложения и тема-рематическое членение.

В результате работы мы предлагаем классификацию русских биноминативных клауз, в которой мы проецируем оппозицию специфицирующих и предикативных предложений на материал русского языка. Основным критерием предложенной классификации является соотношение денотативных статусов именных групп. Однако в отличие от классификаций для германских языков, в нашей классификации расположение компонентов биноминативных предложений не является строго фиксированным. Против обобщения о том, что порядок именных групп с определенным денотативным статусом закреплен за специфицирующим или предикативным типом, говорит возможность инверсии компонентов биноминативных клауз. Мы показываем, что в русском языке контекст может лицензировать различные коммуникативные преобразования биноминативной структуры вне зависимости от расположения более и менее референтных именных групп.

Таким образом, предлагаемая в работе классификация позволяет последовательно сопоставить типы биноминативных предложений и их линейно-акцентную структуру, а значит, более обстоятельно подойти к исследованию того многообразия факторов, которое определяет выбор контролера согласования.

Литература:

- Падучева, Успенский 1979 — Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М. 1979. Т. 38. №. 4.
- РГ-80 — Русская грамматика / Шведова Н. Ю. Т. 1, 2. Москва, 1980.
- den Dikken 2006 — den Dikken M. Specificational copular sentences and pseudoclefts // The Blackwell Companion to Syntax Vol. IV. 2006. P. 292–409.
- Geist 2007 — Geist L. Predication and equation in copular sentences: Russian vs. English // Existence: Semantics and syntax. Springer, Dordrecht, 2008. P. 79-105.
- Hartmann, Heycock 2020 — Hartmann J. M., Heycock C. (Morpho) syntactic Variation in Agreement: Specificational Copular Clauses Across Germanic // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 10. P. 2994.
- Higgins 1979 — Higgins, F. R. The Pseudo-Cleft Construction in English. New York, NY: Garland. 1979.

Давидюк Татьяна Игоревна

ИЯз РАН,
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
rachekit@yandex.ru

Лично-числовое согласование и взаимное расположение конъюнктов и предиката: экспериментальное исследование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

В русском языке наблюдается иерархия согласования по лицу. Если в состав сочиненного подлежащего входит местоимение 1 или 2 лица, то личное значение глагольной формы определяется этим местоимением (1)-(2). Если сочиненное подлежащее состоит из местоимений 1 и 2 лица, то выбирается согласование по 1 лицу (3).

- (1) *Я и он придём.*
[РГ 1980: 244]
- (2) *Ты и твои родные не едете.*
[РГ 1980: 244]
- (3) *Ни я, ни ты не едем.*
[РГ 1980: 244]

Действие иерархии согласования по лицу наблюдается и в ряде других индоевропейских языках: словенском [Corbett 2006], словацком и испанском [Dalrymple, Kaplan 2000].

Тем не менее, иерархия согласования по лицу в русском языке может быть нарушена в некоторых случаях. Очевидный случай нарушения иерархии представляют собой конструкции с препозицией глагола, в которых согласование может происходить только с первым конъюнктом (4).

- (4) **Остаются** учителя старших классов и ты.
[Пекелис 2013]

В качестве пилотного исследования взаимодействия иерархии согласования по лицу с взаимным расположением конъюнктов и предиката нами были проведены два эксперимента. Методика проведенных экспериментов заключалась в оценке приемлемости предложений по шкале от 1 до 7. В качестве независимых переменных выступали позиция глагола — препозиция или постпозиция — и признаки согласуемого глагола. Первый эксперимент содержал предложения с глаголом в непрошедшем времени, а второй — предложения с глаголом в прошедшем времени. Смысл разделения на два эксперимента состоит в том, что в прошедшем времени у глагола среди согласовательных признаков отсутствует лицо.

Итак, в первом эксперименте глаголы в стимульных предложениях выступали в четырех различных формах, а во втором эксперименте — в двух формах. Сочиненное подлежащее в экспериментальных предложениях имело вид *я и Вася*: первым конъюнктом выступало местоимение *я*, в качестве второго конъюнкта использовалось имя собственное мужского рода. Расстояние от сочиненного подлежащего до глагола было минимальным. Кроме того, в стимульных предложениях мы использовали преимущественно неэргативные предикаты, соблюдая при этом баланс по совершенному и несовершенному виду. Филлеры делились на грамматичные и неграмматичные, соотношение филлеров к экспериментальным предложениям составляло 1:1. В грамматичных филлерах сочиненное подлежащее состояло из двух имен собственных мужского рода, глагольное согласование с которым осуществлялось по (3 лицу) множественному числу. Неграмматичные филлеры в эксперименте с непрошедшим временем были представлены конструкциями, где оба конъюнкта были выражены именами собственными мужского рода, а согласование содержало явную ошибку (например, *Вася и Петя придём на вечеринку*). Неграмматичные филлерные предложения в эксперименте с прошедшим временем содержали ошибку в предложном управлении (например, *Вася и Петя нырнули над прорубь*). Примеры блоков стимульных предложений для первого и второго экспериментов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Пример блока стимульных предложений для двух первых экспериментов

<i>для непрошедшего времени</i>	<i>для прошедшего времени</i>
Я и Вася гуляю в парке.	Я и Вася гулял в парке.
Я и Вася гуляем в парке.	
Я и Вася гуляет в парке.	
Я и Вася гуляют в парке.	Я и Вася гуляли в парке.
В парке гуляю я и Вася.	В парке гулял я и Вася.
В парке гуляем я и Вася.	
В парке гуляет я и Вася.	
В парке гуляют я и Вася.	

В эксперименте с непрошедшим временем наиболее высокие оценки во всех типах предложений ожидаемо получило согласование по 1 лицу множественному числу. Согласование по 1 лицу единственному числу также оценивалось достаточно высоко в конструкциях с препозицией глагола; при постпозиции глагола оно оценивалось на уровне неграмматичных филлеров. Оценки для согласования по 3 лицу единственному числу во

всех предложениях также не отличаются от оценок неграмматичных филлеров. Примечательно, что выше неграмматичных филлеров оценивалось согласование по 3 лицу множественному числу. Предложения с таким согласованием можно найти и в НКРЯ:

- (5) *Тут, в темном лесу фирм-однодневок, ты и твои люди **прячут** свой миллион.*
[НКРЯ. Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

В эксперименте с прошедшим временем наиболее высокие оценки во всех типах предложений получило согласование по множественному числу. Интересно, что при препозиции глагола согласование по единственному числу оценивается существенно ниже, нежели согласование по множественному числу.

Таким образом, среди нетривиальных результатов эксперимента можно выделить возможность согласования по 3 лицу множественному числу и падение оценок для согласования только с первым конъюнктом при переходе к прошедшему времени.

Дополнительно мы провели два эксперимента (также в непрошедшем и прошедшем времени) для порядка слов VS, который задействовал изменение порядка конъюнктов: помимо порядка вида *я и Вася*, в экспериментальных предложениях использовался порядок *Вася и я*. Результаты этих двух экспериментов показали, что порядок конъюнктов оказывается значимым в предложениях с непрошедшим временем и незначимым — с прошедшим временем.

Литература

- Пекелис О. Е.* Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/>). Рукопись. 2013.
Русская грамматика / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. В 2-х т. Т. II. М., 1980.
Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
Corbett G. G. Agreement. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2006.
Dalrymple M., Kaplan R. M. Feature indeterminacy and feature resolution // *Language*. 2000. №76(4). С. 759-798.

Ермолова Мария Вадимовна

ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
maria-anna2121@yandex.ru

О предикативном употреблении причастий в русском языке XVII-XVIII вв.

В докладе будут обсуждаться две особенности функционирования причастий в русском языке XVII-XVIII вв., которые отличают обсуждаемый период развития языка как от древнего, так и от современного состояний.

1. В XVII в. действительные причастия (как прошедшего, так и настоящего времени) широко употребляются в предикативной функции. Это могут быть как конструкции, в которых причастие соединяется с другим глагольным предикатом с помощью соединительного союза (*Ту бежит скоро и впадет, в яму, а Мужик пришед просты и глаголет* [Интермедии. (Междоречие) [1675-1710]]), так и конструкции, в которых причастие формирует единственную предикативную единицу (*В Наугольную башню идущи лѣстница каменная* АМГ III, с. 10 (1660-1664)). Такое использование причастий является нечастым в древнерусских текстах и невозможным в современном литературном языке.

2. Для языка XVII-XVIII вв. характерно использование страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в аористном значении («*Вячеслав Владимирович по смерти брата своего Ярополка сидел на великом княжении Киевском 20 дней; выгнан от Всеволода Ольговича. Потом принят в сообщество на великое княжение Киевское от племянника своего Изяслава, и с ним купно и по смерти его княжил с Ростиславом*» М. В. Ломоносов «Краткий российский летописец с родословием»), на что не раз обращали внимание исследователи (П.С. Кузнецов, Л.А. Булаховский, Е.В. Падучева и др.). Как отмечает П.С. Кузнецов, широкое употребление страдательных причастий прошедшего времени без вспомогательного глагола в аористном значении является «наиболее яркой чертой, характеризующей страдательный оборот в русском литературном языке XVIII и начала XIX в.». Для древнерусского языка подобные примеры являются скорее исключением.

Представляется, что в основе обсуждаемых употреблений лежит один механизм. Причастия, с древнейших времен характеризовавшиеся неустойчивым грамматическим статусом, в исследуемый период актуализируют свои глагольные свойства, сближаясь с финитными формами, о чем косвенно свидетельствует материал русских диалектов и других славянских языков, в которых эта тенденция получила более широкое развитие, чем в русском языке.

Зевахина Наталья Александровна

НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)
natalia.zevakhina@gmail.com

Щипкова Алина Алексеевна

НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)

Металингвистическое сравнение в русском языке: корпусное и экспериментальное исследование

В докладе представлены результаты корпусного и экспериментального исследования, посвященного асимметричным металингвистическим сравнительным конструкциям (или мета-компаративам) в русском языке (например, "Лучше пойдете к озеру, чем здесь стоять", "Тут важно скорее умение, чем искать легкие пути"). Их отличительной особенностью является то, что их две части принадлежат разным синтаксическим категориям или имеют разные морфологические формы. Мета-компаративы демонстрируют определенные морфологические и синтаксические свойства и подразделяются на несколько грамматических видов, среди которых наблюдается разнообразие. С морфологической точки зрения, имперфективные инфинитивы и перфективные финитные формы в сослагательном и изъявительном наклонении занимают особое положение в системе асимметричных мета-компаративов. С синтаксической точки зрения, асимметричные мета-компаративы представляют собой биклаузальные, бифразовые или смешанные (клаузально-фразовые) структуры. Их бифразовая вариативность напоминает функциональную однородность стандартных сравнительных конструкций в терминах Санников (2008). Наконец, в докладе обсуждается грамматическая асимметрия в сравнительных и сочинительных синтаксических структурах.

Князев Михаил Юрьевич

ИЛИ РАН; ВШЭ СПб;
МГУ им. М.В. Ломоносова
misha.knjazev@gmail.com

Влияние регистра на оформление синтаксического актанта в русском языке: экспериментальное исследование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

1. Введение. В русском языке утвердительные индикативные синтаксические актанты обычно выражаются придаточным с союзом *что*, как в (1а). Для многих предикатов существует также альтернативный способ выражения того же актанта с факультативным соотносительным местоимением *то*, где *то* оформляется в соответствии с моделью управления предиката, как в (1б) (см., например, [Кобозева 2013]).

- (1) а. *Папа был уверен, что у него волшебные кулинарные способности.*
[НКРЯ]
- б. *В 1996 году все были уверены в том, что он победит на выборах.*
[НКРЯ]

Конструкции в (1а)–(1б) не имеют явных семантических различий, однако можно предполагать, что выбор одного из вариантов в них не случаен. Например, в работе [Кобозева 2013] в качестве фактора, влияющего на выбор одного из вариантов, предлагается дискурсивный статус синтаксического актанта как «данного»/«нового». В работе [Князев 2022] исследовался фактор «структурной сложности», который, впрочем, не получил экспериментального подтверждения. Целью настоящей работы было проверить, влияет ли *регистр* (тип дискурса) на предпочтение одной из конструкций.

2. Предыдущее исследование. Влияние регистра на выбор конструкции в примерах типа (1) исследовалось в работе [Князев, Рудалева 2019], где выдвигается гипотеза о том, что конструкция с *то* тяготеет к более формальным регистрам (таким, как, научный и публицистический), тогда как конструкция без *то* — к менее формальным (таким, как разговорная речь). Этого можно ожидать исходя из того, что более эксплицитный вариант, как правило, характеризуется большей формальностью [Rohdenburg 1996]. Такой эффект, например, можно наблюдать в отчасти сходном явлении, опущении комплементаризера *that* в английском (*You said (that) you didn't*), которое характерно для разговорной речи (см., например, [Wulff et al. 2018]). Гипотеза проверялась на материале НКРЯ на выборке из 26 «альтернирующих» глаголов (ср. (1)). Была показана связь конструкции с *то* с академическим/публицистическим регистром (как более формальным) в противоположность художественному, и, аналогично, с академическим в противоположность публицистическому ($p < 0.001$). Последующий анализ, однако, показал, что связь наблюдается лишь для части глаголов из выборки. Также проверялось, зависит ли эффект

регистра от предпочтения глаголом конструкции в корпусе. Предпочтение измерялось на основе коллострукционного анализа (методом *дистинктивных коллексем*), при котором глаголы делятся на классы в зависимости от наличия «притяжения» к одной из альтернирующих конструкций [Gries, Stefanowitsch 2004]. Анализ не показал существенных различий между классами притяжения.

3. Метод. В настоящем исследовании проверялось, будет ли большее предпочтение *то, что* в более формальном регистре наблюдаться также в эксперименте на принудительный выбор конструкции. В эксперименте было использовано 18 глаголов трех классов притяжения из выборки [Князев, Рудалева 2019], приведенных в (2).

(2) а. *надеяться, признаться, жалеть, жаловаться, рассчитывать, сомневаться* (ПРИТЯЖЕНИЕ К ЧТО)

б. *радоваться, извиниться, обидеться, хвастаться, дожидаться, расстраиваться* (БЕЗ ПРИТЯЖЕНИЯ)

в. *гордиться, добиться, настаивать, намекать, привыкнуть, возмущаться* (ПРИТЯЖЕНИЕ К ТО, ЧТО)

С каждым из глаголов было составлено по два предложения — на публицистический и на разговорный регистр, как в (3а)–(3б). Участникам предлагалось заполнить пропуски в предложениях, выбрав вариант, который, по их мнению, звучит более естественно в данной ситуации. (Правильность отнесения предложений к регистру проверялась в отдельном эксперименте, где участники (N = 48) самостоятельно определяли регистр предложения.)

(3) а. *По их собственным заявлениям, присяжные заседатели _____ вынесение оправдательного приговора по этому делу создаст небывалый прецедент.* [ГАЗЕТНЫЙ]

і. *надеются, что*; іі. *надеются на то, что*

б. *Но ты же так _____ он примет это предложение.* [РАЗГОВОРНЫЙ]

і. *надеялась, что*; іі. *надеялась на то, что*

В эксперименте было также использовано 18 филлеров, в которых одна из двух конструкций недопустима или маргинальна в нормативном языке. Эксперимент прошли 104 человека, преимущественно студенты. Ответы 34 человек, которые предпочли неграмматичную конструкцию хотя бы в одном из филлеров, не учитывались.

4. Результаты и обсуждение. Результаты эксперимента представлены на Рис. 1. Хотя предпочтение конструкции с *то, что* наблюдается в обоих регистрах, в газетном регистре оно выше (77%), чем в разговорном (70%), в соответствии с гипотезой. Статистический анализ проводился на основе логистической регрессии со смешанными эффектами (с помощью пакета lmerTest для R). В модели с фиксированным эффектом регистра и максимальной структурой случайных эффектов регистр не достиг значимости ($p = 0.11$). Однако при упрощении модели путем исключения случайного эффекта наклона для испытуемого (которое не сказалось на качестве модели), регистр значим ($p < 0.01$). Этот результат подтверждается анализом по отдельным предложениям/глаголам. Так, для половины примеров наблюдается повышение предпочтения *то, что* в газетном регистре более, чем на 5% (в том числе в шести — на 15% и выше), и только в двух — аналогичное уменьшение (на 7% и 12%) (в остальных семи случаях разница между регистрами менее 5%).

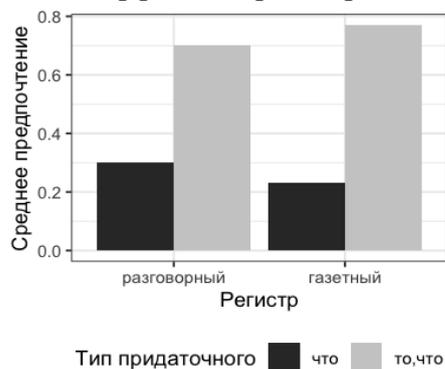

Рис. 1. Среднее предпочтение конструкций со *что* и с *то, что* в зависимости от типа регистра

При добавлении класса притяжения модель показывает как эффект регистра ($p = 0.01$), так и эффект класса притяжения, а именно глаголы без притяжения и глаголы с притяжением к *то, что* показывают более высокое предпочтение *то, что*, по сравнению с глаголами с притяжением к *что* ($p = 0.01$), при этом добавление в модель взаимодействия регистра и класса притяжения не улучшает ее качество ($p = 0.17$). Следует отметить, однако, что большая часть вариативности в модели объясняется за счет случайного эффекта стимула/предложения (12%), в противоположность 6% для класса притяжения и 1% для регистра (для подсчетов использовалась функция `g.squaredGLMMM` из пакета `MuMIn`).

Таким образом, гипотеза о влиянии формальности на предпочтение конструкции *то, что* в целом подтверждается, однако этот эффект весьма слабый. В большей степени предпочтение конструкций в эксперименте определяется частотностью конструкции для глагола в корпусе, при этом эффект регистра не зависит от частотности. (Отметим, что соответствие между корпусными и экспериментальными данными носит относительный характер, так как в эксперименте мы наблюдаем общее предпочтение *то, что*, тогда как в корпусных данных для исследуемых глаголов имеется обратное предпочтение.) Наибольшее влияние на предпочтение конструкции, однако, оказали факторы, которые в эксперименте не проверялись. Часть из них предположительно связана с семантикой глагола. Целью дальнейших исследований должен стать систематический поиск и проверка этих факторов в эксперименте.

Литература

- Gries, Stefanowitsch 2004 — Gries, S. Th., A. Stefanowitsch. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on 'alternations'. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. 9(1). P. 97–129.
- Rohdenburg 1996 — Rohdenburg G. Cognitive complexity and increased grammatical explicitness in English. *Cognitive Linguistics*. 1996. 7(2). P. 149–182.
- Wulff et al. 2018 — Wulff, S., S. Th. Gries, & N. A. Lester. Optional that in complementation by German and Spanish learners. Andrea Tyler, Lihong Huan, & Hana Jan (eds.). *What is Applied Cognitive Linguistics? Answers from current SLA research*. Berlin & Boston: De Gruyter Mouton. P. 99–120.
- Кибрик 2009 — Кибрик А.А.. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. 2. С. 3–21
- Князев, Рудалева 2019 — Князев М.Ю., Рудалева Е.А. Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления сентенциального актанта в русском языке. *Русский язык в научном освещении*. 2019. 37(2). С. 150–186.
- Князев 2022 — Князев М.Ю. Экспериментальное исследование влияния синтаксической сложности на оформление придаточного в русском языке. *XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады* (под ред. Т.В. Черниговской). СПб: Издательство СПбГУ. С. 227–248.
- Кобозева 2013 — Кобозева И.М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. С. 129–148.

Крылов Сергей Александрович

ИВ РАН
(Москва, Россия)
krylov-58@mail.ru

О некоторых базовых дихотомиях в сфере грамматики

Проанализируем логически некоторые базовые дихотомии грамматики: «грамматическое» (vs. не-грамматическое), «морфологическое» (vs. не-морфологическое), «синтетическое» (vs. не-синтетическое), «флексивное» (vs. не-флексивное), «словоизменительное» (vs. не-словоизменительное).

Грамматика (в широком смысле слова, то есть учение об «аналогии») изучает языковые «правила» (= «регулярности») оперирования знаками, то есть построения речевых комбинаций инвентарных единиц языка. Этим она отличается от лексикологии (в широком смысле слова, то есть от учения об «аномалии»), изучающей «исключения из правил» (= «нерегулярности»), составляющие инвентарь языковых знаков (инвентарных единиц языка).

Морфология (vs. синтаксис) изучает закономерности построения слов (номинативных единиц языка) (vs. их комбинаций); синтаксис изучает законы построения коммуникативных единиц (высказываний) из слов.

Синтетическая морфология (vs. аналитическая) изучает закономерности построения неразрывных единиц (основ).

Флексивная морфология (vs. агглютинативная) изучает закономерности построения сочетаний основ с граммемами, обладающими свойством облигаторности.

Словоизменительная морфология изучает законы построения сочетаний основ с граммемами, обладающими таким набором свойств (типом значения): 1) «**контекстная обусловленность**» выбора либо «**модально-актуализационный**» («шифтерный») (vs. диктальный) тип; 2) «**модификационный**» (vs. “транспозиционный”) тип.

Кувшинская Юлия Михайловна

НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)
ykuvshinskaya@hse.ru
kjulia4@yandex.ru

Употребление неопределенных местоимений серии на -либо в контексте прямого отрицания

Семантика и употребление неопределенных местоимений остается достаточно сложной, высоко дискуссионной и не до конца исследованной областью. В частности, неясен вопрос о допустимости употребления местоимений серии на -либо в контексте прямого отрицания (см. различающиеся мнения об этом Е.В. Падучевой и М. Хаспельмата [Падучева 2015; Хаспельмат 1997: 36]). В докладе мы рассмотрим эту проблему на материале Национального корпуса русского языка и Корпуса русских учебных текстов с привлечением экспериментальных данных (опроса). Будут выделены типы контекстов, лицензирующие

такое употребление, а также типы контекстов, не допускающие употребления какой-либо под прямым отрицанием; рассмотрены причины возможности или невозможности таких употреблений, обсуждены нестандартные случаи.

Лазуткина Елена Михайловна

ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
lazutkelen@yandex.ru

Оператор *сила субъекта* в модельной семантике активных конструкций

Доклад посвящен проблеме описания механизмов лингвистической прагматики. Анализируется синтаксическая семантика разных моделей двусоставных глагольных предложений с системно закрепленным порядком слов.

Показываются процессы фразеологизации в грамматике, обнаружение макросемантических разрядов лексики и неочевидных парадигматических отношений, асимметричные отношения категорий *форма – значение – функция*.

Делаются выводы о способах репрезентации бинарной категории *субъект / объект*.

Матханова Ирина Петровна

Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Россия)
matkhanova@mail.ru

Функционирование русских наречий цели в высказывании: актуализация каузируемой ситуации

В докладе рассматриваются высказывания, содержащие наречия / наречные выражения с семантикой цели, такие как: *нарочно, специально, назло; на смех, на память, умиrotворяющее, профилактически* и др. (как относящиеся к ядерной группе, так и те, которые обычно не включаются в нее), фиксируется наличие / отсутствие ситуации, раскрывающей содержание каузируемой ситуации, цели-результата, сочетаемости нескольких средств выражения цели, в том числе наречных и не-наречных.

Исследованию средств выражения цели посвящено немало работ (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Рахилина и др.), однако особенности функционирования наречий цели изучены недостаточно, они рассматриваются в составе других языковых средств, за исключением словарных статей в Новом объяснительном словаре синонимов (авт. – И.Б. Левонтина).

К дискуссионным проблемам относятся: состав наречий цели (в частности, включение антонимов типа *бесцельно*), принципы их отнесения к данной семантической группе, характеристика других наречий с точки зрения их способности передавать данную семантику, возможность трансформирования высказываний с анализируемыми наречиями в другие целевые конструкции. Недостаточно изучены семантические подразряды наречий цели, их связь, пересечение с наречиями других разрядов (напр. образа действия / качественных, причины и др.).

Решению многих проблем способствует изучение функционирования разных подгрупп наречий в высказываниях. В первую очередь фиксировалось наличие в них, помимо целевого наречия, различных способов выражения дополнительной целевой ситуации-финиша: синтаксическими целевыми конструкциями, предложно-падежными формами, деепричастными оборотами, предикативной частью сложносочиненного / бессоюзного предложения, самостоятельным высказыванием контактного или дистантного расположения. Рассмотрены особенности сочетания разных типов наречий с иными целевыми средствами.

В толкование некоторых наречий включается указание на целевую ситуацию (*назло* – 'чтобы рассердить', *на память* – 'чтобы запомнить', *напоказ* – 'для создания впечатления, для вида', *профилактически* – 'с целью профилактики', *угождающе* – 'для того, чтобы вызвать расположение' и под.). В высказываниях с этими наречиями могут быть представлены многозвенные ситуации цели, напр.: *...не смей себя жалеть, и тогда **назло** бесчестным судьям и зрителям чужого жилья обязательно попадёшь и забьёшь проклятому Уругваю гол* (А. Варламов. Купавна); *А толпу ярко, криливо выставила **напоказ** — чтобы буйно сбивала еще больше с толку* (В. Володин. Повесть временных лет); ***Профилактически для защиты от насекомых-вредителей советую регулярно мыть комнатные цветы в ванне под сильной струёй душа.*** (В. Дадыкин. Зелёный новосёл). Здесь реализуется актуализация целевой семантики, ее конкретизация, а также указание на несколько различных целей.

Выявляются другие средства актуализации каузируемой ситуации, связанные с целевыми наречиями.

Студеникина Ксения Андреевна

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
xeanst@gmail.com

О роли числовой морфологии существительного в русских именных группах с сочинёнными модификаторами

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

Для русского языка неоднократно отмечалась вариативность согласования в именных группах с сочинёнными прилагательными единственного числа: для существительного оказывается возможным как единственное, так и множественное число (1). В исследованиях С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] рассматривались различные семантические, дискурсивные и синтаксические факторы, параметризующие вариативность согласования в данной конструкции. Однако роль морфологических особенностей существительного ранее не изучалась на материале русского языка.

(1) По улице несутся легковая и грузовая **машина/ машины**. [Кодзасов 1987: 210]

Впервые взаимосвязь числовой морфологии существительного и стратегии согласования была описана для болгарского языка в исследовании Б. Харизанова и В. Грибановой [2015].

В болгарском при регулярном образовании множественного числа возможно только множественное число существительного (2), в то время как при нерегулярном множественном числе становится возможным употребление только существительного в единственном числе (3). Предложенный исследователями синтаксический анализ предполагает сочинение двух именных групп и дальнейшее извлечение существительного одновременно из обоих конъюнктов (АТВ-передвижение). Считается, что признак числа устроен привативно. В соответствии с анализом Харизанова и Грибановой, корень вставляется на ранних этапах деривации, до синтаксических передвижений, а признак множественного числа появляется лишь в процессе синтаксической деривации. Следовательно, контекстная алломорфия невозможна, так как до передвижения для неё не было подходящих условий.

(2)	българск-и-йа	и	руск-и	народ-и/ *народ
	болгарский-SG.M-DEF	и	русский-SG.M	народ-PL/ народ
	‘болгарский и русский народы’			
(3)	най-ниск-о-то	и	най-високото	дете/ *деце
	SUP-низкий-SG.N-DEF	и	SUP-высокий-SG.N-DEF	ребенок/ дети
	‘самый низкий и самый высокий ребенок’ [Harizanov & Gribanova 2015: 1, 6]			

Для того чтобы выяснить, как связаны числовая морфология существительного и стратегия согласования в русском языке, мы провели экспериментальное исследование с оценкой приемлемости по шкале Ликерта (1-7) и чтением с саморегуляцией скорости. Проверялись такие факторы, как число существительного (единственное/множественное) и тип существительного с точки зрения морфологии числа: (i) с супплетивной морфологией и чередованием в корне (4), (ii) с чередованием суффиксов (5), (iii) с дефектной парадигмой, а именно *singularia tantum* (6a) и *pluralia tantum* (6b), (iv) с регулярной морфологией (7). Для статистического анализа результатов эксперимента использовался регрессионный анализ с применением линейных смешанных моделей. В Приложении представлены результаты статистического анализа, а также графики средних значений для оценок приемлемости и времени чтения.

- (4)
 - a. Высокий и низкий **человек** перебежали через дорогу.
 - b. Высокий и низкий **люди** перебежали через дорогу.
- (5)
 - a. Полосатый и пятнистый **котенок** замяукали в корзинке.
 - b. Полосатый и пятнистый **котята** замяукали в корзинке.
- (6)
 - a. Морская и сухопутная **пехота** перешли в наступление.
 - b. Напольные и настольные **весы** вышли из строя.
- (7)
 - a. Пожилой и молодой **преподаватель** вошли в аудиторию.
 - b. Пожилой и молодой **преподаватели** вошли в аудиторию.

Результаты эксперимента оказались следующими. Наиболее высокие оценки и отсутствие задержек при чтении наблюдается для форм с дефектной парадигмой, что подтверждает наличие эффекта синкретизма. Для существительных, которые образуют множественное число с морфологическими изменениями в корне, допустимыми оказываются только формы единственного числа. Это подтверждается как разницей в оценках приемлемости, так и наличием задержек при чтении для менее приемлемых структур с множественным числом существительного. Для существительных с чередованием суффиксов формы единственного и множественного числа оказываются одинаково приемлемыми, значимых отличий не наблюдается. Для существительных с регулярной морфологией оказываются более

приемлемыми формы множественного числа, что может быть вызвано наличием предикативного согласования по множественному числу

Таким образом, анализ с АТВ-передвижением, предложенный для болгарского, объясняет невозможность супплетивных форм множественного числа. Однако он предполагает привативное устройство признаков, что невозможно при сопоставимой приемлемости единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов.

Нам кажется возможным применить для анализа русских данных подход с общей или разделяемой структурой [Shen 2018]. В соответствии с данным подходом, признак числа устроен эквиполентно, что объясняет одинаковую приемлемость единственного и множественного числа для существительных с чередованием суффиксов. Разделяемая структура образуется в ходе параллельного соединения, которое, как и внешнее соединение (синтаксическое передвижение), происходит после вставки лексических единиц. Признак множественного числа вырабатывается при вычислении признаков, и замена супплетивной формы единственного числа на форму множественного числа, то есть контекстная алломорфия, уже невозможна на этом этапе деривации. Подход с наличием общей структуры позволяет объяснить высокую приемлемость синкретичных форм. Если они поступают в структуру уже с признаком числа, согласование с вершиной NUM не требуется. Свободная применимость вычисления признаков объясняет и относительную приемлемость единственного и множественного числа для регулярных существительных.

Проведенное экспериментальное исследование показало, что числовая морфология существительного является важным фактором, определяющим выбор стратегии согласования в именных группах с сочинёнными модификаторами в русском языке. Нам удалось установить, что анализ с наличием общей разделяемой структуры лучше всего объясняет полученные результаты.

Литература

Кодзасов, С.В., (1987). Число в сочинительных конструкциях. *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*. М, 204-219.

Пекелис, О. Е. (2013). Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.

Narizanov, B., and Gribanova, V. (2015). How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. In *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society 49*, University of Chicago, IL. Chicago Linguistics Society.

Shen, Z. (2018). Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, University of Connecticut, Storrs, CT. $\begin{matrix} \text{L} \\ \text{SEP} \end{matrix}$

Приложение

Формула модели для оценок приемлемости: Нормализованные оценки \sim Число существительного * Тип существительного + (1 + Число существительного | Номер лексикализации).

Эффект	Коэффициент	CI _{lower}	CI _{upper}	Стандартная ошибка (SE)	t-значение	p-значение
Отрезок (ЧИСЛО = МН УСЛОВИЕ = ДЕФЕКТН)	0.453	0.148	0.758	0.161	2.808	0.009
ЧИСЛО МН→ЕД	0.062	-0.1602	0.286	0.118	0.532	0.599
ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	-0.228	-0.659	0.203	0.228	-0.999	0.326
ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	-1.122	-1.552	-0.691	0.228	-4.919	<< 0.0001
ТИП СУППЛ→СУФФИКС	-0.675	-1.107	-0.244	0.228	-2.958	0.006
ЧИСЛО МН→ЕД:	-0.397	-0.712	-0.081	0.167	-2.379	0.024

ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН						
ЧИСЛО МН→ЕД: ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	0.515	0.199	0.8301	0.167	3.089	0.005
ЧИСЛО МН→ЕД: ТИП СУППЛ→СУФФИКС	0.088	-0.228	0.404	0.167	0.526	0.603

Таблица 1. Результаты применения линейных смешанных моделей для оценок приемлемости

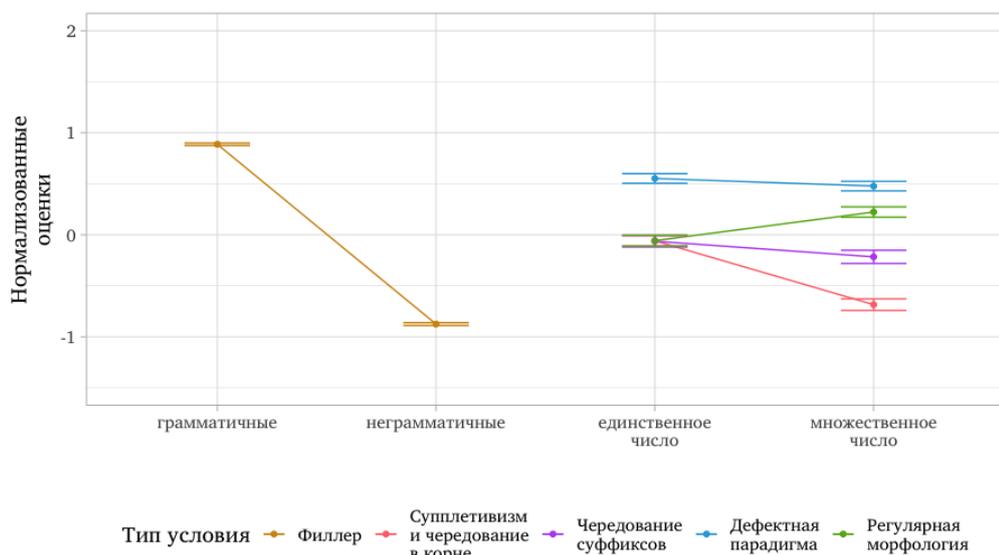

Рисунок 1. График взаимодействия для оценок приемлемости

Формула модели для времени чтения существительного: $\text{Время чтения} \sim \text{Число существительного} * \text{Тип существительного} + (1 + \text{Число существительного} | \text{Идентификатор респондента}) + (1 + \text{Число существительного} | \text{Номер лексикализации})$

Эффект	Коэффициент	CI _{lower}	CI _{upper}	Стандартная ошибка (SE)	t-значение	p-значение
Отрезок (число = МН УСЛОВИЕ = ДЕФЕКТН)	623.576	465.673	780.931	81.568	7.645	<< 0.0001
ЧИСЛО МН→ЕД	178.212	-13.624	370.086	100.020	1.782	0.078
ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	269.782	51.595	490.569	114.106	2.364	0.0203
ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	354.765	133.982	573.125	114.106	3.109	0.003
ТИП СУППЛ→СУФФИКС	135.833	13.441	258.248	63.825	2.128	0.042
ЧИСЛО МН→ЕД: ТИП ДЕФЕКТН→РЕГУЛЯРН	-360.261	-720.759	0.145	187.281	-1.924	0.058
ЧИСЛО МН→ЕД: ТИП РЕГУЛЯРН→СУППЛ	-473.559	-833.728	-113.108	187.272	-2.529	0.014
ЧИСЛО МН→ЕД: ТИП СУППЛ→СУФФИКС	8.936	-112.554	130.433	65.084	0.137	0.892

Таблица 2. Результаты применения линейных смешанных моделей для времени чтения существительного

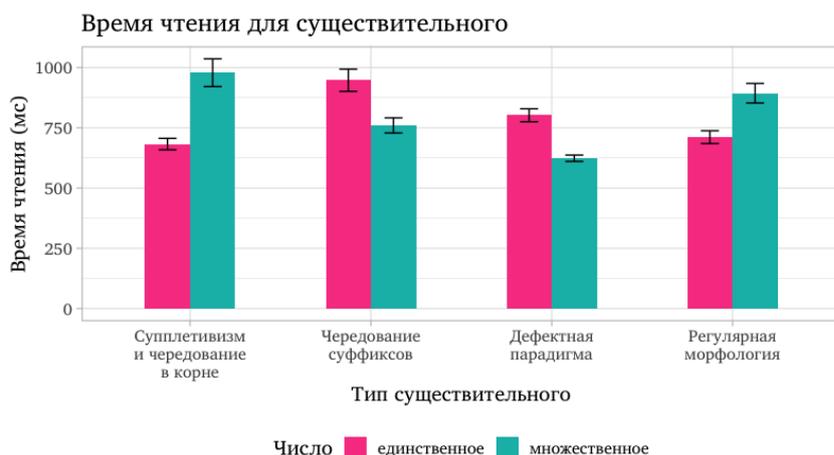

Рисунок 2. Диаграмма средних значений для времени чтения существительного

Урысон Елена Владимировна

ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
uryson@gmail.com

Некоторые принципы описания грамматической периферии

Объект предлагаемой работы – глаголы с приставкой *–по* типа *позаниматься, погулять, почитать*. Такие глаголы традиционно относятся к делимитативному способу действия. Однако в литературе высказывались веские основания в пользу того, чтобы считать их видовыми коррелятами к соответствующим бесприставочным глаголам НСВ, т.е. считать пары типа *заниматься – позаниматься, гулять – погулять, читать – почитать* чисто видовыми. Цель работы – уяснить статус таких пар в аспектуальной системе русского языка. Данные пары анализируются в рамках подхода [Урысон // ВЯ, 2019, № 3]. Демонстрируется, что признание таких пар видовыми противоречит принятым определениям грамматической категории вообще и русской грамматической категории вида в частности.

Грамматические процессы и системы в диахронии

Буденная Евгения Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
jane.sdrv@gmail.com

Коньячку бы, да до дому: хронология развития некоторых форм второго родительного падежа

Формы родительного падежа на -у у части русских существительных мужского рода широко изучались в контексте других генитивных форм – как приглагольных объектных, так и управляемых предлогами (Борковский, Кузнецов 2006/1963; РГ-80; Крысько 2006/1997; Малышева 2010). Тем не менее в силу многообразия и неоднородности данных форм ряд вопросов их развития требует дальнейшего изучения и систематизации.

В ходе диахронического исследования на материале основного и исторического разделов Национального корпуса русского языка мы обнаружили следующие факты, дополняющие уже известные сведения о родительных формах на -у:

- Корпусное исследование показало своего рода «зеркальный» характер эволюции партитивного значения. На самом раннем этапе (до XIII в.) многие слова й-склонения в ряде форм мимикрировали под -ѵ-склонение, однако родительный на -у еще широко оставался в ходу. В период до XV в. беспредложный генитив на -у у слов бывшего й-склонения фигурировал, как правило, в контекстах берестяных грамот и деловых документов вида «мера+X»: *кругъ вѡску* (1054, XIII), *цо бѣ ѳеси прислать вѡсъку* (129, XV). Распространенность таких контекстов, по всей вероятности, способствовала закреплению за данными формами нового партитивного значения, в силу чего новые дериваты и более поздние заимствования XVI в. с вещественной семантикой стали образовывать схожие партитивные формы на -у: *и принесли ему... 10 голов сахару, 6 свеч воцаных, 2 кожи овечьих шарану* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) (1570)]
- Несмотря на то, что большинство моделей с родительным на -у уже не являются продуктивными, диминутивные словообразовательные модели и синтаксические конструкции с препозицией партитивных форм на -у еще сохраняют устойчивость и могут употребляться даже с новыми заимствованиями: *Анальгинчику не найдётся?* [Я. Г. Солонин. Шум. Бумага. Грецкие орехи. Безразличие // «Волга», 2014], *А мы сейчас поедем ко мне, сварим глинтвейнчику.* [М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)], *Хайну было много* <https://glasscannon.ru/forum/viewtopic.php?f=43&t=4804>. Таким образом, говорить о полной непродуктивности данных форм в современном языке не представляется правомерным.

Вернер Инна Вениаминовна

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
inna.verner@mail.ru

Местоимения *той/того* и *его* в переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670-1680-е гг.)

Предметом доклада являются многочисленные случаи непоследовательных исправлений личных местоимений 3-го лица в аккумулятиве *его, ю, ихъ*, омонимичных им притяжательных местоимений и указательных местоимений *той, таа, тое* в косвенных падежах. Эта правка связана с омонимией греческих форм местоимений *αὐτός, αὐτή, αὐτό*, выступающих в косвенных падежах в функции личных местоимений 3-го лица, а в генетиве также в функции притяжательных местоимений 3-го лица. Непоследовательность и противоречивость правки в черновых списках Нового Завета демонстрирует попытки Евфимия Чудовского разрешить проблему омонимии, используя а) оппозицию указательных местоимений *is, ea, id / ille, illa, illud* в латинских текстах-источниках, б) семантический критерий смены субъекта в пределах условного нарративного целого, в) формальный орфографический критерий различения личных и притяжательных форм местоимений.

Галинская Елена Аркадьевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
eagalinsk@mail.ru

Формы родительного и местного падежей единственного числа существительных мужского рода в Лечебнике XVII века

В докладе рассмотрены формы родительного и местного падежей существительных на *-а* и *-у* в лечебнике под названием «Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещех ко здравью человеческому пристоящих», переведенном с неуставленного языка подьячим Андреем Никифоровым в 1672 году. Был исследован список РГБ, ф. 317, № 8. XVII в. (254 л.), имеющий высокий процент акцентуированности. Оказалось, что в Р.п. распределение окончаний *-а* и *-у* в ряде случаев строго зависит от падежного значения: окончание *-а* употребляется в родительном субъекта и принадлежности, в счетной форме; окончание *-у* – в родительном даты и партитиве (с двумя исключениями). В значении родительного объекта, сравнения, изъяснения и исходно-достигательном падеже окончание *-а* преобладает над окончанием *-у*, тогда как в родительном со значением причины, а также выделительной характеристики по материалу или веществу существительные оканчиваются преимущественно на *-у*. Зависимость в присоединении окончания *-а* или *-у* от акцентной парадигмы слов обнаруживается только в исходно-достигательном падежном значении. Из интересных наблюдений над формами местного падежа можно отметить достаточно большое количество нетривиальных случаев, где существительные употреблены в изъяснительном значении с предлогом *о* и окончанием *-у* (например, *о насморку, о хръну, о́ духу*).

Добровольский Иван Сергеевич

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
imperfect@yandex.ru

Формы типа *а́ндрéови* в церковнославянских текстах Нового времени

1. В докладе анализируется выбор между **о** (**w**) и **е** (**ε**) в мягком варианте склонения заимствованных слов на *-éи* в формах Д.ед., Т.ед., Д.мн., Р.=В.мн. и в притяжательных прилагательных, а также в некоторых других случаях.

2. Данные текстов Нового времени по формам типа *а́ндрéови* сопоставляются с данными старославянских текстов по аналогичным формам.

3. Обсуждаются трудности, связанные с разными трактовками основы в формах типа *а́ндрéови*. Если считать, что в таких формах основа на *e* (т.е. на гласную), то они представляют уникальное явление для морфонологии церковнославянских существительных. А если считать, что в таких формах основа на *j*, то остается неясным, почему мягкость основы не обозначена на письме.

4. В докладе выдвигается осторожная гипотеза, согласно которой исход *-éови* в формах типа *а́ндрéови* можно интерпретировать как [éjov'и]. При этом данная интерпретация возможна для церковнославянских текстов Нового времени, но не для старославянских.

Дьяченко Светлана Владимировна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

Тер-Аванесова Александра Валерьевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
teravan@mail.ru

Фонемы /e/ и /ѣ/ в заимствованных основах по данным южнорусских и среднерусских говоров XX века

В русских говорах с различием фонем /e/ и /ѣ/ в основах заимствованных слов, этимоны которых содержат ударный гласный *e*, могут выступать обе фонемы, при этом за каждой основой закреплена одна из них. Варьирование /e/ и /ѣ/ в одной основе встречается сравнительно редко. Наша работа основана на материале около 160 лексем из рязанских и елецко-оскольских говоров по записям начала XX и начала XXI вв. Большая их часть представляет собой слова, заимствованные из европейских языков через посредство стандартного русского языка или городского просторечия (*нёрвы*, *эвро*, *интерéсный*, *матéрия*, *лѣнтка*, *тарѣлка*, *газѣта* и др.), профессиональных и официально-деловой разновидностей стандартного языка (*зоотéхник*, *докумéнт*, *пéнсия/пéнзия*, *пенсионѣр*); явно объединяются в одну группу имена собственные разного происхождения, заимствованные из стандартного языка – географические названия и фамилии известных людей (*Тюмéнь*, *Одéсса*, *Тéрек*, *Лéнин*, *Éльцин* и др.); около 35 лексем – слова, вошедшие в диалекты через посредство церковнославянского языка, из них 25 – это имена собственные (*Алексѣй*,

Маргья, Елена, Глѣб) и их производные: гипокористические образования, отчества, фамилии и некоторые др. (*Савватѣв, Сѣргов день, Пѣтъкя, Фѣдькя*), а также несколько основ с неполногласием (*плѣн, врѣд, врѣмя*, В. ед. *срѣду*); по нескольку слов заимствовано из идиш (*пѣсики, хѣдер* в оскольском говоре) и из некоторого финно-волжского источника (названия рек *Тѣльма, Воймѣга* в говорах Мещѣры); к этим данным примыкает группа «книжных слов» славянского происхождения, вошедших в говоры из стандартного языка. Материал характеризует ситуацию в говорах к юго-востоку от Москвы в XIX-XXI вв., которой свойственно единство и простота принципов огласовки заимствованных основ: в тех частях основ, которые осмысляются носителями как корни, ударный *e* слов-этимонов субституируется фонемой /e/, а в тех частях, которые осмысляются как «суффиксы» (им свойственна повторяемость в заимствованных основах, в большей части случаев они представляют собой суффиксы в языках-источниках), *e* субституируется фонемой /ѣ/. Примеры с /ѣ/ в «суффиксах»-финалях (жирным шрифтом выделены примеры из записей начала XX в.), -ѣт-: **карѣта, конфѣта, монѣта, кассѣта, котлѣта, розѣтка, салфѣтка, таблѣтка, табурѣтка, билѣт/белѣт, университетѣт, потрѣт, туалѣт, кабинетѣт, пакѣт, букѣт, лисапѣт** (но *жакѣт*); -ѣка: *библиотѣка, аптѣка, ипотѣка*; -(ион)ѣр-: **миллионѣр, охвицѣр, милиционѣр, пенсионѣр** (но *пионер*), *фанѣра*, а также с перестановкой согласных: *тарѣлка, хорѣла* ‘холера’; -ѣй-: **лакѣй, архиерѣй, еврѣй, юбилѣй, хоккѣй, канарѣйка, батарѣйка**. Единственной финалью, где выступает /e/, является -(м)ент-: *документ, инструмѣнт, цемѣнт, алименты, студѣнт, процент, клиент, шпѣнт*. Возможно, этот принцип огласовок заимствованных основ первоначально выработался у церковнославянских заимствований, ср. диал. *Алексѣй, Андрѣй* (и *Андрѣй*), *Сергѣй, Дорофѣй, Матѣй, Савватѣй, Фалилѣй, Федосѣй, Евдокѣя, Марѣя, Палагѣя* (и аналогично *Расѣя*) vs *Елена, Терѣнтій, Демѣнтій, Дѣмино, Матрѣнцев, Сѣргов, Евгѣния, Валѣрій, Глѣб, Ефрѣм* (однако *Ахрѣм, Лизавѣта*): в говорах наблюдаются лишь остатки традиционного распределения /e/ и /ѣ/ в именах собственных на -ей и -ѣй-церковнославянского происхождения.

Вместе с тем грамотные носители говора иногда стремятся произносить в первую очередь новейшие, недостаточно освоенные заимствования (но иногда также и вполне освоенные слова) с ударной /e/, в соответствии со своими представлениями о «стандартном», «грамотном» произношении и правилах чтения. Повсеместно среди носителей говоров с различием фонем /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѡ/ распространено мнение, что литературному произношению свойственны фонемы с ровным началом /e/ и /o/, а фонемы-дифтонги /ѣ/ и /ѡ/ присущи только диалектной речи (в действительности наоборот: литературные /e/ и /o/ являются дифтонгами, то есть близки по своим реализациям диалектным фонемам /ѣ/ и /ѡ/, а реализации диалектных фонем-монофтонгов /e/ и /o/ для носителя литературного произношения – ярко специфические звуки). Носители говоров также считают, что правильным чтением букв *e* и *o* являются монофтонги /e/ и /o/ (в действительности при беглом чтении они употребляют фонемы /e/ и /ѣ/, /o/ и /ѡ/ в соответствии с нормой говора). Вероятно, с этими представлениями связана вариативность *Амѣрика/Амерѣка, туалѣт/туѣлѣт, библиатѣка/библиѣтѣка, пинсианѣр/пинсиѣнѣр*, отмеченная в оскольском говоре с. Роговатое, причем варианты с /e/ встретились исключительно у двух младших по возрасту и наиболее образованных информантов.

Источники

Корпус Роговатки – A.V. Ter-Avanesova, S.V. Dyachenko, E.V. Kolesnikova, A.V. Malysheva, D.I. Ignatenko, A.B. Panova, N.R. Dobrushina. Corpus of Rogovodka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <http://lingconlab.ru/rogovodka/>, accessed on 01.06.2022.)

Корпус Малинино – А.В. Тер-Аванесова, Ф.А. Балабин, С.В. Дьяченко, А.В. Мальшева, А.Б. Панова, В.А. Морозова. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва:

Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/malinino/>, дата обращения 26.05.2022

А.А. Шахматов. Материалы, собранные И.С. Гришкиным, В.Н. Тростянским и др. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. ХСV, №1. Петроград, 1916.

Иордани Наталья Павловна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
iordani.natasha@yandex.ru

К вопросу о соотношении инфинитива с частицей *бы* и форм сослагательного наклонения в старорусских текстах

В докладе рассматриваются особенности употребления форм сослагательного наклонения в независимых предикациях и инфинитива с частицей *бы* (сослагательного инфинитива, как его определяет ряд исследователей) в деловых и бытовых текстах XVI–XVII вв. Как показал анализ источников, отличие от современного русского языка, где инфинитив с частицей *бы* занимает периферийное положение и не пересекается с формами сослагательного наклонения, выражая оценочное значение, в старорусский период эта языковая единица активно конкурирует с *л*-формой: обе формы употребляются в контекстах одного типа и развивают побудительное значение, несвойственное сослагательному инфинитиву в настоящее время. Частотность употребления инфинитива с частицей *бы* также претерпела изменения в истории русского языка: если в XVI–XVII вв. он встречается регулярно, то впоследствии эта языковая единица была вытеснена формой сослагательного наклонения и в современный период стала малоупотребительной.

Кобозева Ирина Михайловна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
kobozeva@list.ru

Сердобольская Наталья Вадимовна

Институт языкознания РАН
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва, Россия)
serdobolskaya@gmail.com

Функциональное распределение *аки* и *како* в истории русского языка

В исторических грамматиках и словарях выделяют значения сравнения, в основном, у двух древнерусских союзных средств – *како* (*какъ*) и *аки* (*акы*), см. [Срезневский 1893; Борковский 1958: 147]. Данные показатели вводят стандарт сравнения:

- (1) Тамо есть Давыдовъ домъ **какъ** городокъ. 1392 г. [Срезневский 1893 I: 1180]
 (2) А вы бы, бояре..., служили бы есте моему сыну, **как** есте мнѣ служили прямо.
 Вас. XVI в.
 (3) ...людіе сѣкуще, **аки** траву. Повесть временных лет, Лавр. 1377 г.
 (4) есть же мѣсто то на земли ниско съз(д)ано **аки** вдрь. Национальный корпус
 русского языка. XVI в.

В (2) и (4) стандарт сравнения вводится *как* и *аки*, соответственно; параметр сравнения задается лексемами *прямо* и *ниско*.

Согласно [Стеценко 1972: 288-289], основной, а согласно [Руднев 2020: 399] – единственной функцией *аки* является оформление образного сравнения, ср. (3). Однако противопоставление сравнительных конструкций по параметру образности не всегда объясняет выбор одного из двух союзов. Так, вряд ли можно утверждать, что сравнение в (4) образное, а в (1) – нет; между тем, в (4) используется *аки*, а в (1) *како*.

Типологические исследования сравнительных конструкций противопоставляют в рамках данной семантической зоны значения симилиатива (подобие, сходство) и экватива (тождество, полное соответствие). Кроме того, мы особо выделяем значение эквативов с имплицитным параметром:

- (5) солнче... бы **акы** въ 5 ноціи мѣсяць. Новг. 1 лет. XIII–XIV вв.
 (6) дай намъ ржи на полтину **какъ** людомъ поцнешь давать. Новг. гр. 364, XIV в.

В этих случаях, в отличие от (2) и (4), в предложении не выражен признак, по которому проводится сравнение; однако он может быть восстановлен из контекста (величина в (5) и условия сделки в (6)).

В докладе ставится задача определить, как распределяются *како* и *аки* в перечисленных выше контекстах. Мы анализируем выборку из нескольких древнерусских памятников, включая летописи из Полного собрания русских летописей и тексты из коллекции <http://lib.pushkinskiydom.ru/>. Материал 16–18 вв. взят из Национального корпуса русского языка.

В докладе будет показано, что употребление *како* в конструкциях с симилиативным (3) и эквативным (4) значением включает единичные примеры до 15 в. и наращивает частотность уже в 16–17 вв. До этого времени оба значения обслуживаются *аки*. В первую очередь, экспансия *како* происходит на контексты эквативов имплицитного параметра, и лишь затем распространяется на эквативы и симилиативы.

Литература

- Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
 Руднев Д. В. Сложное предложение // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020.
 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том I. СПб, 1893.
 Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Макеева Ирина Ивановна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irinamakeeva2007@mail.ru

Форма родительного падежа отглагольных существительных в Харьковской кормчей XV – XVI вв.

В одном из списков Кормчей ранней русской редакции часто встречается форма родительного падежа отглагольных имен существительных на *-(e)ниѣ-* и *-иѣ-*, совпадающая с формой винительного падежа (Р=В): *без общение, осужение достоинъ, плоды искушаемъ покаяние, своего именье* и др.

Такие формы встречаются у обоих писцов второй части Харьковской кормчей (XV – XVI вв.), представляющей Волынскую группу списков памятника. Входящие в нее рукописи написаны и функционировали на Западе и Юго-Западе Руси.

У каждого писца на долю такой формы приходится около половины употреблений родительного падежа отглагольных существительных. Вторую половину составляют обычные формы родительного падежа.

Форма Р=В обусловлена произношением |e| вместо |a| в позиции после мягких согласных и |j|, о чем писал А. И. Соболевский в работе «Лекции по истории русского языка». В Харьковской кормчей такое фонетическое явление представлено в большой группе книжных слов определенного словообразовательного класса и определенной морфологической структуры. Возможно, имела место грамматикализация формы Р=В таких слов, и она функционировала наряду с обычной формой родительного падежа. Косвенным подтверждением этого предположения могут служить устойчивые написания, отражающие другие языковые особенности Харьковского списка, которые также предполагается рассмотреть в докладе.

Малышева Анна Викторовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annamaly@mail.ru

Особенности синтаксической сочетаемости некоторых глаголов в западнорусских говорах (по материалам электронных корпусов)

Исследование посвящено рассмотрению особенностей управления некоторых общерусских глаголов на материале говоров западной диалектной зоны. Предварительный список лексем, подлежащих проверке по корпусам, включал около 60 глаголов и был составлен прежде всего на основе работы П. А. Расторгуева «Говоры на территории Смоленщины» (М., 1960) и дополнен данными экспедиционных записей, диалектного корпуса НКРЯ и сведениями из статей по лексике и грамматике русских диалектов, в которых упоминаются особенности синтаксической сочетаемости глагола. Так, например, известно, что общерусский глагол *смеяться* имеет в говорах следующие варианты управления: *смеяться над кем-н., кому-н., на кого-н., с/из кого-н., около кого-н., за кого-н.,* и

этот список может быть пополнен. Соответственно, так же варьирует управление и у других диалектных лексем с общим значением 'смеяться'. Предпринимается попытка лингвогеографического описания вариантов реализации синтаксических актантов глагола. Исследование проведено на материале пяти электронных корпусов западной диалектной зоны, полученные данные сравнивались с материалами корпусов северных, восточных среднерусских, юго-восточных и межзональных говоров (<http://lingconlab.ru/>). Учитывая специфику и часто небольшой объем корпусного материала, сам факт наличия в современных электронных корпусах того или иного диалектного варианта управления можно рассматривать как доказательство его широкого употребления и устойчивости.

Мишина Екатерина Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru

Система прошедших времен в «Хождении игумена Даниила»

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси»

Хождение игумена Даниила – самое раннее из дошедших до нас древнерусских хожений (памятник XII в., старшие из списков датируются XV в.), заложившее основу всей последующей паломнической литературы Древней Руси. Язык хожения во многом уникален: в памятнике представлены конструкции, несвойственные или мало свойственные летописной или агиографической традиции, и отсутствующие в более поздних памятниках данного жанра. С этой точки зрения, интерес представляют особенности функционирования глагольных форм и конструкций, отраженные в хождении. В докладе речь пойдет о системе прошедших времен. В ХИД представлен полный набор форм прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект, книжный плюсквамперфект (*б^ыше ходил*), сверхсложное прошедшее (или «русский» плюсквамперфект: *был ходил*). Будут представлены результаты исследования функционального распределения форм прошедшего времени, особенности употребления как в основных, так и факультативных контекстах, типичных для той или иной формы, а также рассмотрены дополнительные (аспектуальные, синтаксические и лексические) факторы, обуславливающие выбор формы.

Традиционным образом (как и во всей восточнославянской книжной письменности данного периода) аорист выступает в качестве основного нарративного времени, обозначающего законченное событие в прошлом, часто в цепочках (более 250 форм), хотя возможно употребление и в других контекстах, типичных для плюсквамперфекта и перфекта. Имперфект употребляется существенно реже в качестве факультативной формы, обозначающей фоновые состояния, процессы, повторяющиеся действия (ок. 30 форм). Формы плюсквамперфекта (книжного и русского) представлены единичными формами, при этом если формы книжного плюсквамперфекта выражают как таксисное значение предшествования другому действию в прошлом, так и ретроспективное значение отдаленного (неактуального) прошлого, то формы русского плюсквамперфекта имеют только ретроспективное значение. Особый интерес представляет функционирование формы перфекта, конкурирующей в определенных контекстах со всеми остальными временами (аористом, имперфектом и плюсквамперфектом). В тексте встречаются формы с исконным перфектным (результативным) значением, перфект (хотя и редко) возможен в нарративных цепочках, типичных для аориста, однако в качестве основного (наиболее частотного) употребления следует признать значение, пересекающееся со значением плюсквамперфекта:

в контекстах, упоминающих о событии, случившемся на том или ином месте или с тем или иным лицом (*есть место X, где случилось событие P; на месте X был Y, с которым случилось P*), довольно часто это придаточные с союзами и союзными/относительными словами *идеже, кудаже, откудаже, иже* и др. или сочетание с обстоятельствами *ту, на томъ месте и др.* На фоне общего функционирования форм перфекта будут проанализированы конструкции с перфектом от *быти* (*и ту есть был домъ*), частотные в хождении.

Мольков Георгий Анатольевич

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
georgiymolkov@gmail.com

Шарихина Миляуша Габдрауфовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
justmilya@yandex.ru

Грамматические явления в Требнике Никона (1658 г.) на фоне предшествующей церковнославянской богослужебной традиции XV–XVII вв. (на материале отдельных чинов)

В докладе представлен сопоставительный анализ грамматических явлений в Требнике Никона и в более ранних печатных изданиях требников и отдельных чинов XVII в., изданных в Москве и в югозападнорусских типографиях, а также в рукописных Служебнике и Требнике Киприана 1481 г. (ГИМ, Син. 326) и Требнике 1423 г. (ГИМ, Син. 307). Выбор приведенных памятников основан на результатах археографических и текстологических исследований богослужебных текстов XVII в., показавших их влияние на формирование традиции употребления языковых средств в никоновской редакции Требника и требующих подтверждения лингвистическими данными. В докладе будет предпринята попытка охарактеризовать грамматическую норму в Требнике Никона как совокупный результат влияния разных региональных традиций. С привлечением греческих оригиналов текстов Требника будут проанализированы чины, которые, согласно существующим наблюдениям, вошли в состав новой редакции Требника из разных источников.

Новак Мария Олеговна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
mariaonovak@gmail.com

**“Панове рада” в среднерусских источниках XVI–XVII вв.:
пути морфологической адаптации заимствования**

Сообщение посвящено грамматической специфике полонизма “панове/паны рада” ‘члены королевского совета, сенаторы’ в старорусских дипломатических источниках XVI–XVII вв.: “Памятниках дипломатических сношений с Римскою империею”, т. I (документы

1576–1594 гг.), “Актах, относящихся к истории Южной и Западной России”, т. 3 (документы 1638–1649 гг.), материалах старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка, в сопоставлении с данными “Słownika polszczyzny XVI wieku” (т. XXXV: 2011). Широкое варьирование форм словоизменения и синтаксических связей, поддерживаемое различием грамматических характеристик элементов устойчивого словосочетания, наблюдается как в языке-источнике, так и в заимствовании. При этом налицо как тождество падежных форм, обусловленное общностью деklinационных моделей и динамических процессов в польском и русском языках (например: ДП *panom radom, panam radam* // *паномъ радомъ, панамъ радамъ*; ТП *z Panu Radami, z Panami Radami* // *съ паны радами, съ панами радами*), так и явления, отличающие старорусское употребление (например, *съ паны радю*). Предполагается детально обсудить факторы варьирования и дальнейшей адаптации полонизма на русской почве.

Пекелис Ольга Евгеньевна

РГГУ
(Москва, Россия)
orekelis@gmail.com

Русские указательные местоимения в недейктических функциях: микродиахроническое исследование

Настоящее исследование посвящено эволюции ограничений на употребление указательных местоимений *этот* и *тот* в недейктических функциях после XIX в. В фокусе внимания – субстантивные недейктические функции, поскольку именно в них *этот* и *тот* в современном языке дополнительно распределены. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в составе биноминативного предложения (1) и при анафоре к предикации (4) сегодня употребляется *этот*, тогда как при именной анафоре в функции *topic shift* (2) и в качестве грамматического маркера (например, детерминатива в вершине относительной клаузы) используется *тот* (3). В языке XVIII-XIX вв., между тем, подобное дополнительное распределение между *этот* и *тот* согласно данным НКРЯ отсутствовало.

Биноминативное предложение

(1) *Это мой друг, мы с ним в одной школе учились.* [lenta.ru, 2019.06.28]

Анафора к именной группе (topic shift)

(2) *Авторитет решил проблему и получил деньги от Боляна, а тот_i заказал его убийство.* [lenta.ru, 2019.11.18]

Грамматический маркер (детерминатив, коррелят и под.)

(3) *В нашей школе преподают только те ребята, которые показывают успехи в учёбе.* [Vesti.ru, 2020.12]

Анафора к предикации

(4) *[Грамотная разработка подобных документов и программ невозможна без участия экспертов]_i, я в этом_i убежден.* [«Эксперт Северо-Запад», 2015]

Отталкиваясь от этого наблюдения, мы стремимся предложить ответы на следующие вопросы.

- Почему проксимальное и дистальное местоимения распределились именно таким образом?
- Является ли такое распределение типологически регулярным?

• Что явилось триггером произошедшего сдвига в употреблении указательных местоимений?

Наши основные предположения сводятся к следующему.

◆ Для каждой из рассмотренных недейктических функций, совершенный современным языком выбор конкретного местоимения (*этот* vs. *тот*) может получить семантическое и/или грамматическое обоснование.

◆ Распределение между проксимальным и дистальным демонстративом, установившееся в русском, не поддерживается последовательно внутри славянских языков, в частности, отсутствует в польском, чешском и болгарском. Шире, характер соотношения между типом указательного местоимения (проксимальное vs. дистальное) и доступными для местоимения недейктическими функциями, по-видимому, обладает значительной типологической вариативностью.

◆ В качестве наиболее общего триггера произошедшего сдвига можно предполагать общезыковую тенденцию к дифференциации маркеров разных функций, т.е. тенденцию к реализации принципа «одно значение, одна форма». С этой точки зрения произошедший сдвиг встает в один ряд с явлениями, объединенными понятием «выравнивания по аналогии» (см., например, Носк 2003: 445).

Библиография

Национальный корпус русского языка [URL: www.ruscorpora.ru].

Носк, Hans H. 2003. Analogical change// Joseph, Brian D. and Richard D. Janda (eds.), *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford. 441-460.

Пенькова Яна Андреевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
amoena@inbox.ru

Об инхоативном глаголе УЧАТИ в среднерусской письменности

Инхоативные глаголы НАЧАТИ, ПОЧАТИ, УЧАТИ в сочетаниях с инфинитивной клаузой неоднократно привлекали внимание исследователей и рассматривались в числе кандидатов на роль аналитического будущего времени в древнерусском и среднерусском языках. Различия между глаголами НАЧАТИ и ПОЧАТИ в древне- и раннесреднерусской письменности подробно проанализированы в работах И. С. Юрьевой. Целью настоящего доклада является определение специфики глагола УЧАТИ в сравнении с другими инхоативами на материале позднесреднерусской письменности. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., хранящейся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В отличие от предыдущих исследований инхоативов, изучавших их особенности именно в сочетании с инфинитивами, в настоящей работе предлагается проанализировать специфику употреблений этих глаголов также вне сочетаний с инфинитивом, сопоставив различия в актантной структуре и словообразовательной парадигме.

В результате проведенного анализа было установлено, что НАЧАТИ и ПОЧАТИ ведут себя примерно одинаково, эти глаголы образуют имперфективы с фазовым значением, т.е. имеют аспектуальную пару и могут считаться собственно фазовыми. Возвратные дериваты этих глаголов также имеют фазовое значение и способны сочетаться с событийным именем в качестве основного участника события. Глагол УЧАТИ, хотя и является однокоренным с

НАЧАТИ и ПОЧАТИ, ни по одному параметру не сближается с последними и, безусловно, не должен рассматриваться в одном ряду с НАЧАТИ и ПОЧАТИ. Не имея полнозначительных употреблений, имперфективного и возвратного дериватов, УЧАТИ в среднерусском языке представляет собой не лексический, а чисто грамматический (аналитический) способ маркирования фазовой семантики.

Пичхадзе Анна Абрамовна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

Местоимение произвольного выбора *иже кѣто* в древнерусском языке

Местоимение *иже кѣто* ‘любой, кто’ встречается в древнерусских текстах очень редко и представляет собой, по-видимому, глубокий архаизм. Местоимения аналогичной структуры с близким значением функционировали в древнегреческом языке (ὅστις ‘который; всякий, кто’) и ведийском санскрите (*yád cid* < и.-е. *(H)yó-kwi- ‘какой бы то ни было’). Во всех и.-е. языках, где засвидетельствовано это местоимение, оно имеет тенденцию к утрате склонения: в греческом Новом Завете отмечены уже только формы именительного падежа, в авестийском и древнеперсидском оно употребляется только в форме ед. ч. ср. рода, превращаясь в условно-уступительный союз. Др.-рус. *иже кѣто* также засвидетельствовано исключительно в именительном падеже и, как в иранских языках, развивает условную семантику. Это связано с тем, что местоимение не имеет конкретной референции и функционирует в генерических контекстах типа *иже кто в малѣ хощетъ проити и тои не можетъ проити* ‘а всякий, кто хочет пройти [это место] с небольшой дружиной, тот не может пройти’ Хожение Даниила игумена нач. XII в. Местоимение *иже кѣто* отмечено только в оригинальных памятниках восточнославянского происхождения книжного регистра: летописях, хождениях, поучениях. В эпоху второго южнославянского влияния оно было переосмыслено как сугубо книжный элемент, эквивалентный греч. ὅστις.

Томеллери Витторио

Università di Torino
(Турин, Италия)
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
vittoriospringfield.tomelleri@unito.it

Две неизвестные версии библейской песни Моисея (Исх 15: 1-19). На стыке перевода и переработки

В докладе представляются два относительно поздних восточнославянских перевода Песни Моисеевой (Исх. 15:1-19) с латыни, которые имеются в двух разных источниках, прямо и косвенно относящихся к новгородскому периоду переводной литературы (конец XV в. – первая половина XVI в.):

- 1) латинская Псалтирь в кириллическом переложении из рукописного собрания Чудова монастыря (около конца XV в.);
- 2) комментированная Псалтирь Бруно Вюрцбургского в переводе Дмитрия Герасимова (около 1535 г.).

Оба текста обнаруживают не только определенное сходство, обусловленное ориентацией на латинский подлинник, но также существенные отклонения. Это можно объяснить тем, что иногда два книжника выбирали разные переводческие возможности (или, реже, пользовались разными вариантами латинского текста).

В некоторых случаях, однако, наблюдается явная тенденция к сохранению традиционного церковнославянского текста, восходящего к греческой версии Септуагинты. В подобных случаях получается довольно любопытная лексико-грамматическая переводческая техника, колеблющаяся между новым переводом и переработкой старого текста.

Главное внимание будет сосредоточено на анализе некоторых лексически и грамматически любопытных различий обоих переводов с латыни, с целью выявить интересный факт сосуществования и, до некоторой степени, соревнования «нового» со «старым».

Циммерлинг Антон Владимирович

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
fagraey64@hotmail.com

Перфект I и перфект II в древнерусском языке

Работа написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А.С.Пушкина.

Интерпретация традиционных описаний древнерусского языка с точки зрения теории грамматики предполагает, что древнерусский был языком с нулевой связкой «быть», имевшей согласовательное значение «3 л. презенса индикатива» [Циммерлинг 2021: 26]. Этот вывод поддерживается двумя фактами — 1) жанровым и регистровым противопоставлением двух групп древнерусских памятников по степени их близости к устной речи; 2) наличием выделенного синтаксического контекста — согласуемой конструкции перфекта с *л*-причастием, где в некнижных древнерусских памятниках (берестяные грамоты и граффити) материально выраженная связка перфекта 3 л. отсутствует. Проблему представляют книжные памятники, где ненулевая и нулевая связки 3 л. в конструкции перфекта сосуществуют. В 1978 г. Г.А. Хабургаев выдвинул гипотезу о том, что ненулевой связки 3 л. в древнерусском языке не было, а ее наличие в книжных памятниках целиком объясняется церковнославянским влиянием, т.е. воспроизводством грамматики второго языка [Хабургаев 1978]. Эта гипотеза в 1990-е — 2000-е гг. была уточнена А.А.Зализняком, который показал, что древнерусские показатели лично-числового согласования 1-2 л. в конструкции перфекта и в именном сказуемом были энклитиками,

подчинявшимся закону Ваккернагеля, в то время как стандартных энклитик 3 л. в древнерусском языке не было [Зализняк 1993: 285; 2008: 236]. В такой системе согласования специальный связочный показатель 3 л. избыточен. Дополнительно А.А. Зализняк выдвинул вторую гипотезу о том, что в тех книжных древнерусских памятниках, где есть ненулевая связка перфекта 3 л., устанавливается дополнительное распределение связок 3 л. и подлежащих перфектной клаузы [Зализняк 2008: 257].

Для эмпирической проверки двух гипотез А.А. Зализняка необходимо выяснить, стабильно ли постулированное им распределение нулевой и ненулевой связок 3 л. в диахронии или же оно зависит от периода и диалекта автора памятника. С этой целью мы изучили пять неанонимных авторских текстов XII в. — «Хождение Даниила игумена», «Поучение Владимира Мономаха», «Вопрошание Кириково», «Поучение Ильи-Иоанна» и «Хождение Антония»: первые два памятника являются южнорусскими, остальные — новгородскими. Текст Даниила был взят по древнейшей редакции, для «Вопрошания Кирикова» и «Хождения Антония» были сверены разные редакции, включая древнейшие документированные списки. Контрольная группа текстов включала памятники сопоставимого жанра, относящиеся к XIV – XV вв. Было установлено, что, вопреки первой гипотезе А.А. Зализняка, наличие семантически немотивированной связки перфекта 3 л. — реликтовая черта южнорусских идиомов начала XII в. (Даниил, Мономах), которая исчезает уже у авторов последующих поколений. В контрольной группе памятников XIV — XV вв. ненулевой связки перфекта 3 л. не оказалось вообще. Параллельно со стандартным вариантом *л*-перфекта 3 л., где замена нулевой связки \emptyset^{3SG} на ненулевые атонируемые связки *есть*¹_{3SG}, *суть*¹_{3PL}, *еста*¹_{3DU} не связана с выражением особой семантики (далее — 'Перфект I') в раннедревнерусский период существовала омонимичная конструкция с ударными связками *есть*²_{3SG}, *суть*²_{3PL}, *еста*²_{3DU}, выражавшими экзистенциально-локативные или верификативные значения (далее — 'Перфект II'). Перфект II имеет более длительную письменную историю. В то время как Перфект I после 1120 г. не документирован, Перфект II стабильно воспроизводится в языке русских летописей XII — XIII в., представляющих разные диалекты. Соответствующие примеры из летописей следует интерпретировать не как церковнославянизмы, а как специфическую древнерусскую конструкцию. Широко представленный в идиоме Даниила вариант Перфекта II с *л*-причастием глагола *быти*, ср. *И есть был град Тивириада великъ велми*, является реликтовым: со второй половины XII в. доля таких примеров снижается. Что касается второй гипотезы А.А. Зализняка, имеющийся материал указывает на то, что дополнительного распределения связок перфекта 3 л. и подлежащих перфектной клаузы в южнорусских текстах не было.

Связки Перфекта II были ударными, что объясняет их вынос в начало клаузы и в позицию после начальных проклитик *и*, *а*. Внутри клаузы связки Перфекта I и Перфекта II омонимичны, поэтому диагностика Перфекта I с ненулевой связкой 3 л. возможна лишь при семантической дезамбигуации и исключения контекстов Перфекта II. В исследованной группе памятников Перфект II ограничен контекстами двух типов — 1) говорящий/рассказчик сам производит верификацию/фальсификацию суждения *p*, 2) говорящий/рассказчик акцентирует внимание на смене состояний от *p* к $\sim p$, ср. *И та бо суть врата осталася толко ветхаго здания* (Даниил, XX). Для языка древнерусских летописей набор контекстов Перфекта II должен быть расширен ситуациями, где говорящий/рассказчик оценивает достоверность суждения *p*, высказанного другим лицом. Употребления Перфекта II близки старорусской конструкции с т.е. *избыточным есть*, т.е. формой глагола *быти*, не выступающей в роли показателя согласования, ср. [Шевелева 1993: 2008]. Однако в текстах XII — XIII вв. связки Перфекта II дифференцированы по формам числа. Видовременная семантика Перфекта I и Перфекта II одинакова, диагностическое значение Перфекта II можно считать коммуникативной надстройкой над значением Перфекта I. Формальные свойства двух данных конструкций несходны, так как

конструкция Перфекта II неперевода в 1-2 л., а замена ненулевой связки 3 л. на нулевую в Перфекте II невозможна.

Литература:

Зализняк 1993 — *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л. , Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. С. 191–319.

Зализняк 2008 — *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008.

Хабургаев 1978 — *Хабургаев Г.А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2.

Циммерлинг 2021 — *Циммерлинг А.В.* От интегрального к аспектвному. М.-Спб.: Нестор-История, 2021.

Шевелева 1993 – *Шевелева М.Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом БЫТИ и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по историческому языкознанию. Памяти проф. Г.А.Хабургаева. М., 1993. С 135–155.

Шевелева 2008 – *Шевелева М.Н.* О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008. № 6. С. 34–57.

Шевелева Мария Наумовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего

В процессе формирования сложного будущего в истории русского языка конкуренция шла между конструкциями с начинательным значением – с глаголами *начьну/почьну/оучьну, иму* и (позднее) *стану*. Инфинитивные конструкции с глаголами с корнем *-ча-/-чьн-* широко употребительны на протяжении всей истории русского языка, в них видят претендентов на грамматикализацию в будущее время как применительно к ранней эпохе (так называемое «сложное будущее I» с *почьну/начьну*), так и к старорусскому периоду (особенно для конструкций с новым *-ча-*глаголом *оучьну*, частотность которого в XVI в. резко возрастает). В действительности все сочетания с глаголами на *-ча-/-чьн-* всегда имели достаточно свободный характер – иллюзия их формализации возникает за счет специфики семантики этих глаголов, отличной от современной.

Исконное значение глаголов с корнем *-ча-/-чьн-*, представленное и в старославянских, и в древнерусских текстах и сохраняющееся в старорусскую эпоху, – выражение не начальной фазы процесса, а наступления ситуации как таковой, т.е. значение наступательной начинательности. Эта семантика обуславливает специфику сочетаемости *-ча-*глаголов, на которую для древнерусской эпохи обратила внимание И. С. Юрьева (Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* //Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С.270-286): возможность сочетаться со стативами и другими непроцессуальными глаголами, а также употребляться в прочих непроцессуальных контекстах; возможность постановки отрицания между компонентами конструкции [Там

же]. Той же природы и способность *начать/почать/оучать*-конструкций обозначать наступление новой ситуации как в прошлом (в том числе в нарративной цепочке), так и в будущем (ср. др.-рус. *почьнетъ хотѣти* Мст. грам. ок. 1130 г., *держати почаша* Повесть временных лет – *кто у них в том селци учнет жити людеи* в грамотах XVI в.). Популярный в конце старорусской эпохи *оучну* в этих сочетаниях по своей семантике не отличается от прочих *-ча*-глаголов, высокая частотность его в непрошедшем времени в значительной степени связана с формуляром московского делового языка. Вряд ли у этих глаголов были шансы на грамматикализацию: преимуществами перед *стану* и тем более *иму*, также выражавшими наступательную начинательность (причем *иму* только в непрошедшем времени), они не обладали.

Семантическая эволюция глаголов с корнем *-ча-* в собственно фазовые происходит, по-видимому, уже в новое время, причем прежде всего в диалектной системе Центра, отразившейся в литературном языке: нефазовые их употребления до сих пор окказионально возможны, а в северных говорах вполне нормальны и поныне.

Юрьева Ирина Сергеевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
iriwonok@yandex.ru

Употребление коррелятов при условных союзах в древнерусской оригинальной письменности

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 20-012-00241 «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси».

Доклад будет посвящён соотносительным словам в аподосисе условного периода. В качестве материала для проведённого исследования использованы оригинальные древнерусские сочинения разных жанров: от берестяных писем до житий. Согласно полученным данным, условных периодов с коррелятами больше в менее книжных текстах. Выбор соотносительного слова также зависит от жанра и степени книжности. Чем ближе памятник к живому языку, тем выше в нём разнообразие соотносительных слов, однако основные конкурирующие варианты – *а* и *то*. В первую очередь проанализированные произведения делятся на те, где употребляется соотносительный союз *а*, и те, в которые он не допускается. Существенно и соотношение коррелятов *а* и *то* в памятниках, где встречаются оба союза. В докладе будут рассматриваться также возможные причины выбора коррелята в случае наличия в памятнике нескольких вариантов и особенности употребления редких соотносительных слов.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА (в сопоставлении с русским)

Алексова Красимира Славчева

Софийский университет им. Св. Климента Охридского
(София, Болгария)
krasimira_aleksova@slav.uni-sofia.bg

Индекс дискретизации грамматической информации в парадигме болгарского глагола

Основная задача настоящей работы – представить опыт вычисления важного типологического индекса современной глагольной парадигмы болгарского языка – индекса дискретизации грамматической информации на формальном уровне. Данный индекс определяется Г. Герджиковым как часть системы типологических индексов, участвующих во всеобщих законах грамматических парадигм в различных по своему морфологическому типу языках [Герджиков 1990, Герджиков 2013] – болгарская версия статьи 1997 г. на немецком языке – [Герджиков 1997]).

Повышение дискретизации грамматической информации (d) в плане выражения может быть достигнуто с помощью повышения степени композитности, что наблюдается в парадигме болгарского глагола, или с помощью развития черт агглютинации, каковыми являются определенный артикль в болгарском языке и морфема возвратности в русском, а также с помощью деморфологизации – потери грамматической категории. Согласно Г. Герджикову, среднюю степень формальной дискретизации грамматической информации (d) можно выразить через отношение между числом грамматических морфем в парадигме (M) и числом положительных дифференциалов (положительных семантических признаков) (p), т.е. $d = \frac{M}{p}$ [Герджиков 1990: 154]. Г. Герджиков формулирует это как типологический закон, согласно которому степень дискретизации грамматической информации (d) зависит от:

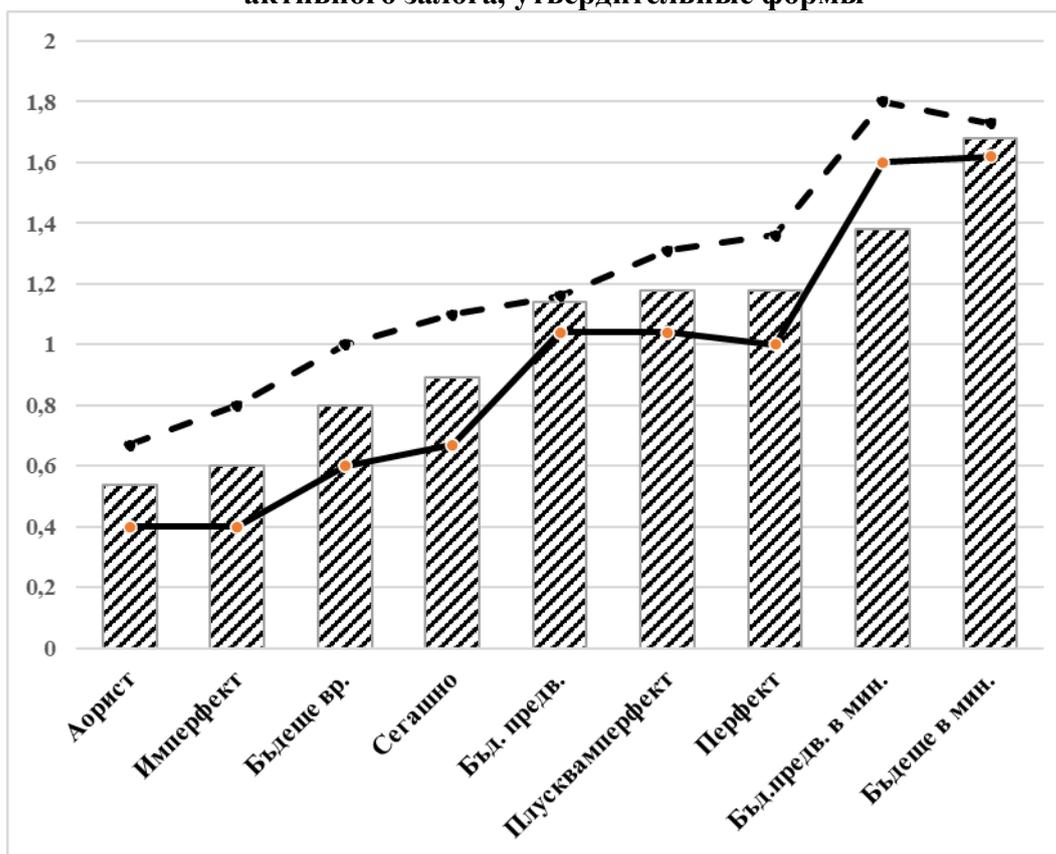
- деморфологизации m – индекс, показательный для деморфологизации или аморфологизма, который можно представить как соотношение между индексами аналитизма (a) и некомпозитности c , т.е. $\bar{m} = a \cdot \bar{c}$ [Герджиков 2013: 291],

- развития композитных форм (индекс c , т.е. $c = a \cdot m$, где a – степень аналитизма, а m – индекс степени маркированности члена парадигмы [Герджиков 2013: 291],

- полиморфемность – π , то есть индекс, вычисляемый как отношение между числом грамматических морфем M , разделенным на число микрословоформ в парадигме μ , т.е. $\pi = \frac{M}{\mu}$ [Герджиков 2013: 293].

В окончаниях аориста и имперфекта наблюдается частичная членимость морфем, т.е. наличные псевдоморфемы -х-/-ш- (пиш-е-хме, пис-а-хме).

График 1. Индекс дискретизации грамматической информации в индикативе активного залога, утвердительные формы

Легенда: *жирная линия* — соединяет значения индекса дискретизации грамматической информации у глаголов, образованных от глаголов, существительных, междометий; *пунктирная линия* — связывает значения индекса дискретизации грамматической информации у глаголов I и II спр. и вторичных имперфективов и форм несовершенного вида, образованных от первичных глаголов совершенного вида; *заштрихованные столбцы* — средние значения индекса в каждом времени для двух групп.

На графике 1 видны 3 группы: первая группа, в которую включены времена с низкой степенью дискретизации грамматической информации — аорист, имперфект, будущее и настоящее; вторая группа — времена со средней степенью дискретизации грамматической информации — будущее предварительное, плюсquamперфект и перфект; третья группа — времена с высокой степенью дискретизации грамматической информации на формальном уровне — будущее предварительное в прошедшем и будущее в прошедшем.

На графике 2 видна иерархия конклюдивных микропарадигм при применении индекса дискретизации, а на графике 3 — иерархия ренарративных микропарадигм, на граф. 4 — иерархия дубитативных парадигм.

График 2. Индекс дискретизации грамматической информации в конклюдивных утвердительных формах активного залога

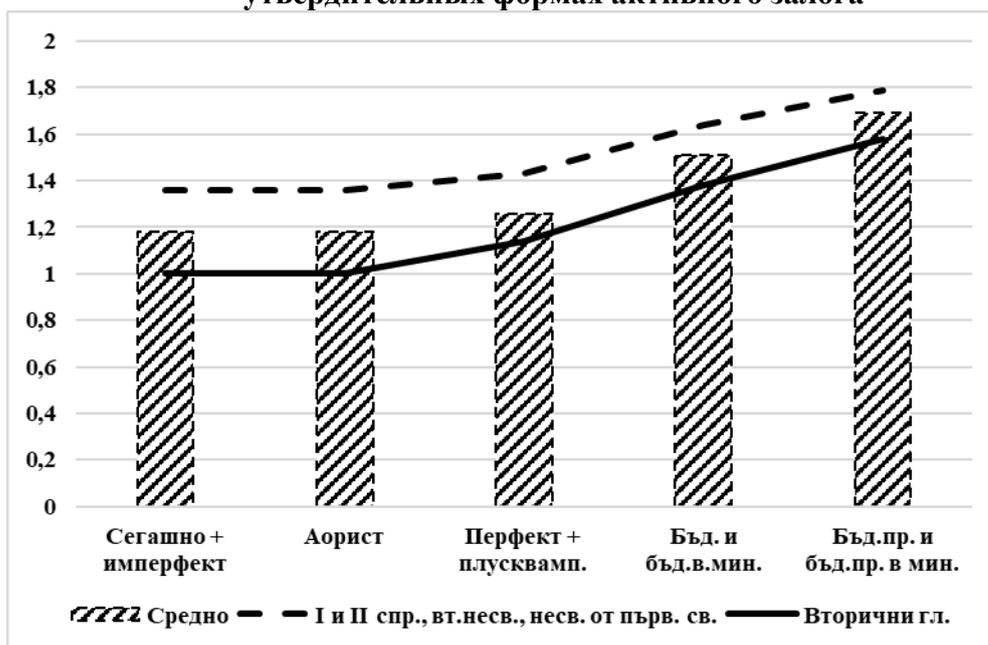

График 3. Индекс дискретизации грамматической информации в утвердительных ренарративных формах активного залога

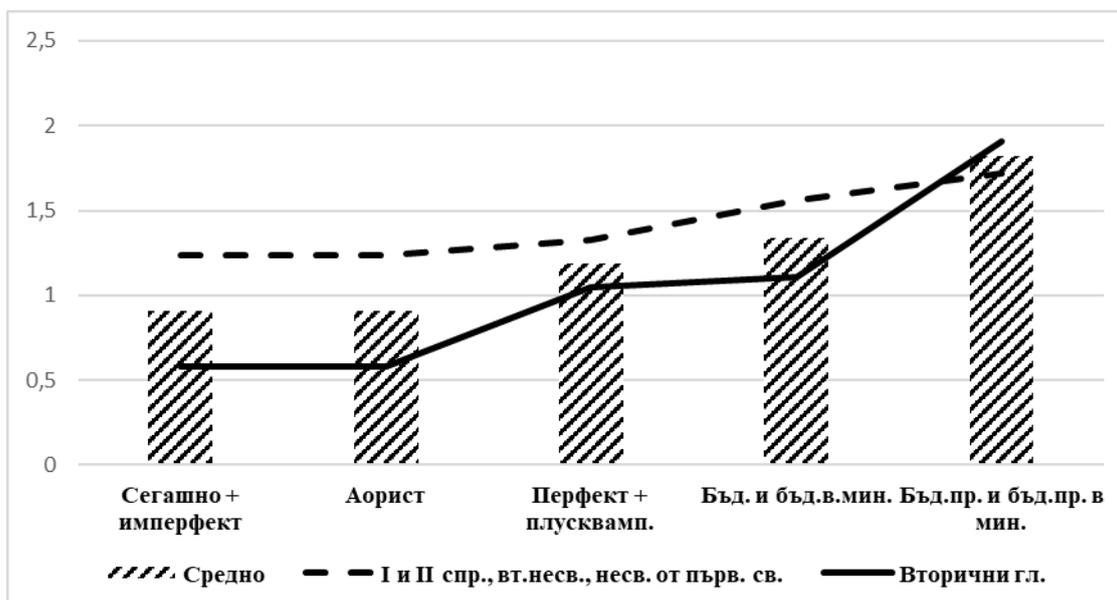
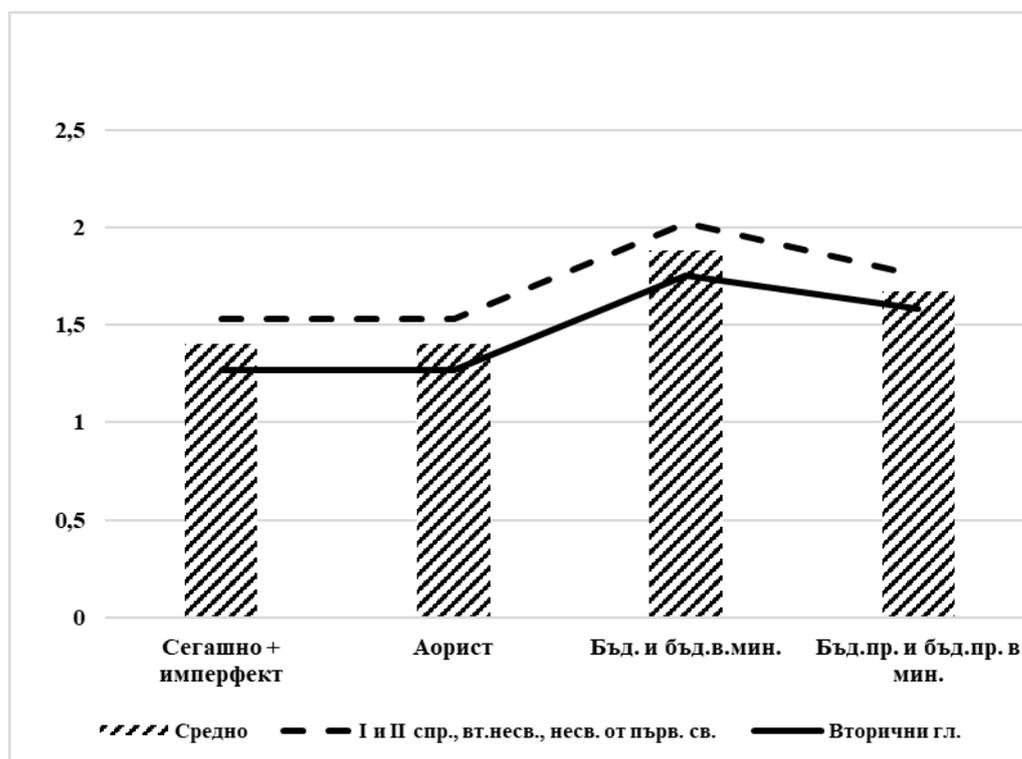

График 4. Индекс дискретизации грамматической информации в утвердительных дубитативных формах активного залога

Мы считаем, что индекс дискретизации грамматической информации связан и со степенью композитности. Формы с самой высокой степенью композитности – а это дубитативные формы с индексом композитности 4.75 (по данным из [Алексова, в печати]) – обладают и самой высокой степенью дискретизации грамматической информации, т. е. грамматическая информация распределена между большим количеством морфем в плане выражения. Индикативные формы, отличающиеся самой низкой степенью композитности – 2.75 (по данным из [Алексова, в печати]), имеют и самую низкую степень дискретизации грамматической информации, т.е. грамматическая информация (семантические нагрузки) распределяются между наименьшим количеством грамматических морфем в плане выражения, а это означает, что степень объединения грамматических значений высока. Индекс композитности ренарратива – 3.40, а дискретизации грамматической информации – 1.22. В конклюдиве, где в третьем лице присутствует еще один вспомогательный глагол, грамматическая информация распределяется и на него, что приводит к более высокой, нежели у ренарратива, степени дискретизации грамматической информации – 1.36, при индексе композитности 3.36.

Очевидно, что чем выше значение индекса композитности, тем выше индекс дискретизации грамматической информации. Это полностью подкрепляет теорию Г. Герджикова, что высокий показатель *d* (дискретизация грамматической информации) достигается повышением степени композитности и степени полиморфности в парадигме болгарского глагола.

Литература

Герджиков 1990 — Герджиков Г. Развоят на индоевропейските езици към аналитизъм и някои всеобща типологически зависимости // Съпоставително езиковедение. 1990. № 4–5. С. 151–157.

Герджиков 1997 — Герджиков Г. Die Gesetze der gramatischen Paradigmata und die morphologische Typologie der Sprachen // Съпоставително езиковедение. № 2. С. 30–41.

Герджиков 2013 — Герджиков Г. Законите на граматическите парадигми и морфологическата типология на езиците // Алексова Кр., (съст.) Георги Герджиков. Избрани студии и статии по езикознание. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски». 2013. С. 286–302.

Dzhonova Marina Georgieva

Sofia University St. Kliment Ohridski
(Sofia, Bulgaria)

Stative constructions in Bulgarian – a syntactic description

This research is carried out as part of the project An Ontology of Stative Situations in the Models of Language: a Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ/23 from 2020.

The aim of the research is the syntactic description of stage-level predicates with an experiencer argument, especially the predicative constructions denoting temporary state. Formal and semantic classification of different types of constructions are discussed, the argument structure and semantic roles of the arguments, as well as the possible complement clauses.

There are three formal types of predicative constructions in Bulgarian depending on the syntactic position of the experiencer argument. It could be in subject position (*аз съм гладен* ‘I am hungry’, *нервен съм* ‘I am nervous’, *щастлив съм* ‘I am happy’, *тъжен съм* ‘I am sad’, *сигурен съм* ‘I am sure’). The object experiencer could be both direct or indirect (*страх ме е* ‘I am afraid’; *весело ми е* ‘I am happy’, *топло ми е* ‘I am hot’). There are also constructions with an implicit experiencer, which has a generic meaning in Bulgarian (*интересно е* ‘it is interesting’, *известно е* ‘it is well known’, *мъчно е* ‘it is difficult’, *ясно е* ‘it is clear’, *сигурно е* ‘it is sure’).

The argument structure of the subject experiencer constructions is the focus of this study. Except for the experiencer argument, they also have a second argument, which is a proposition, expressed by a complement clause or a nominalization. Some of the construction could have also an object PP argument.

There are three major semantic types of subject experiencer constructions – denoting physiological state (*гладен съм* ‘I am hungry’, *жаден съм* ‘I am thirsty’, *уморен съм* ‘I am tired’), emotion (*щастлив съм* ‘I am happy’, *нервен съм* ‘I am nervous’, *тъжен съм* ‘I am sad’) or mental state (*сигурен съм*, *уверен съм* ‘I am sure’).

Physiological state constructions have usually only one argument – the animate participant, which is the subject experiencer argument. A Bulgarian is a pro-drop language, that is why it is not obligatory overt. Nevertheless, there are examples for *гладен съм*, *жаден съм* with an object *за*-PP, denoting „strong desire“ [RBE 1977–2015].

А зимата има дни, в които си гладен за месо. ‘There are days in winter when you are hungry **for meet.**’

Интер все още е гладен за трофеи. ‘Inter is still hungry **for trophies.**’

Уилям току-що беше завършил училище и беше жаден за всякакви приключения. ‘William has just finished school and he was thirsty **for adventures.**’

With *за*-PP the predicative constructions widen their meaning thus allowing inanimate subject or abstract noun in object position.

The second argument of emotional state predicative constructions is stimulus, which is a proposition expressed by prepositional phrase with *от* which alters with a complement clause [cf. Koeva 2018, 129].

Баща ми беше безмерно щастлив от моите успехи. ‘My father was extremely happy **with my success.**’

Беше ужасно нещастен, че никой не обръща внимание на колата му. ‘He was extremely unhappy that no one was paying attention to his car.’

Emotional state predicative constructions could have also an overtly expressed object of the emotion with *за*-PP.

Бях истински щастлива за нея. ‘I was really happy **for her.**’

With some predicative words like *гневен, ядосан, бесен* ‘angry’ the object of emotion could be a dative clitic.

Аз съм ти много гневен. ‘I’m very angry with you.’

Mental state predicatives usually have three arguments – epistemic subject, epistemic object (PP), content (proposition) [Nitsolova 2001]. The content could be complement clause with *che* or *wh*-word or nominalization.

Не бях сигурна защо се ожени за мен. ‘I wasn’t sure why he married me.’

Той все още не беше сигурен в своя успех. ‘He still wasn’t sure **in his success.**’

The epistemic object (PP) and the content (complement clause) could appear together, the epistemic object being co-referent with an argument of the complement clause [Koeva 2021].

Сигурна бях за нея, че няма как (тя) да издържи толкова време без публика. ‘I was sure **for her** that there was no way **she** would survive that long without an audience.’

The conclusion is that the argument structure of subject experiencer predicative constructions is related to the semantics of the predicative word. Physiological state predicatives have usually only an experiencer argument. Emotional state predicatives have an experiencer and a stimulus argument. The stimulus is a proposition – complement clause or a PP nominalization. Mental state predicatives have three arguments – experiencer, object and content. The content is a proposition – complement clause or a PP nominalization.

References

Коева 2018 — Коева Св. Типология на подчинените изречения към прилагателно име в български // *Orbis linguarum*. 2018. 16. № 2. С. 122–132.

Коева 2021 — Коева Св. Към типологичен анализ на комплементността в български // Коева Св., Стаменов М. (съст.) *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. Т. 2. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2021. С. 13–27.

Nitsolova 2001 — Ницолова Р. Значение и граматични особености на сложните изречения с предикати за знание в българския език // *Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис*. Пловдив: Пловдивско университетско издателство, 2001. С. 174–192.

RBE 1977–2015 — *Речник на българския език*. София: Институт за български език. 1977–2015. <<http://ibl.bas.bg/rbe/>> (10.06.2022)

Иванова Елена Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e.y.ivanova@spbu.ru

Лесева Светлозара Илиева

Институт българского языка им. проф. Любомира Андрейчина,

«На вкус и цвет товарищей нет»: эпистемический субъект при предикатах восприятия в болгарском языке

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005 «Онтология состояний в лингвистических моделях: сопоставительное исследование болгарского и русского языков») и Национального научного фонда Болгарии (проект «Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски», Фонд «Научни изследвания», Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2020 г., № КП 06 РУСИЯ/23).

Рассматриваются болгарские конструкции с предикатами перцептивно воспринимаемого признака, в которых дативная местоименная клитика может указывать не только на экспериенцера (1), но и на субъекта эпистемической оценки (2). В русском языке в случаях, аналогичных (2), вводится эксплицитный эпистемический оператор КАЖЕТСЯ [Циммерлинг 2018, 2021: 288–307].

(1) *И на мен ми хладнее, но... кой да затвори прозорците.* ‘И мне тоже холодновато (букв. мне холодеет), но... кто же закрывает окна’.

(2) а. *И твоята панама нещо ми синее! Дали наистина е така или е от снимката?* ‘И твоя панама что-то мне кажется синей (букв. твоя панама что-то мне синее). Это так действительно или только на фото?’

б. *Моля някой да даде нормално обяснение, защо непрекъснато всичко солено ми сладни. Кръвна захар нормална.* ‘Кто-н. может дать нормальное объяснение, почему все соленое постоянно мне **кажется** сладковатым (букв. мне сладнит). Сахар в крови нормальный’.

Основное внимание в докладе уделено предикатам цветового (2а) и вкусового (2б) восприятия, представляющих дистантный и контактный тип перцепции. Ставится задача определить, в каких условиях происходит эпистемическое прочтение датива и с какими синтаксическими характеристиками оно коррелирует.

1. Предикаты цветовых проявлений.

Предикаты цветовых проявлений (*зеленеет, синее, белее* и др.) в болгарском языке обычно функционируют как одноместные, описывающие выделенность объекта своими цветовыми или световыми свойствами, ср. аналогичные характеристики и русских глаголов цветовых проявлений:

(3) *В храстите червенеят дъхави малини.* ‘В кустах **краснеет** пахучая малина’.

Употребление датива при глаголах цветовых проявлений возможно, во-первых, просто в функции субъекта восприятия, напр., когда объект неидентифицирован, воспринимающий находится на первом этапе восприятия и реагирует только на наличие цветового признака как способ проявления объекта. В таком случае место объекта перцепции занято неопределенным местоимением в позиции подлежащего, а датив вводит субъекта зрительного восприятия, задавая его пространство видения, ср. (4а) без датива и (4б) с дативом:

(4) а. *Нещо жълтее в тревата.* ‘В траве что-то желтеет’.

б. *Нещо ми жълтее в тревата.* ‘[Вижу,] в траве что-то желтеет’.

В случаях (3), (4) могут использоваться как рефлексивные, так и нереплексивные глаголы с небольшим семантическим различием [Радева 1993: 11, 113; Стаменов 2021].

Во-вторых, датив может присутствовать в тех конструкциях, где место подлежащего занято именем определенного, идентифицированного объекта, и коммуникативная задача говорящего – уточнить цветовые признаки этого объекта. В этих случаях семантика датива

не ограничивается фигурой воспринимающего, эксплицируется и субъект мнения. Используются только нерелексивные глаголы.

Субъект мнения, маркированный дативом в предикации зрительного восприятия, способен выступать в двух несколько отличающихся ролях.

Эпистемическое толкование датива мы можем предполагать, когда говорящий сообщает о своем восприятии цветового признака в ситуации измененной перцепции (она затруднена дистанционно или нарушена по другим причинам). При непрямом доступе оценка цвета может быть недостоверной, и субъект это выражает через датив, маркируя, что он не претендует на истинность сказанного (ср. «субъект недостоверного знания» [Градинарова 2017]). Чаще всего речь идет о наличии нехарактерного оттенка на изображениях обсуждаемых предметов. Помимо предикатов основного цветового спектра (5а), имеются образования для смешанных цветов, пестрых расцветок, *световых* эффектов (*розовее, серебее, шаренее, циганее, льскавее, тъмнее* и др.), ср. (5б):

(5) а. *Единствено камъкът по фасадата ми жълтее нещо - вероятно от залезно слънце.* ‘Только вот камень в облицовке фасада **кажется** желтоватым (букв. мне желтеет) – наверное, из-за заходящего солнца’.

б. *Да дадеши отзив като я пробваши, че цветът на снимката никак не ми изглежда "ultra ash", ами направо ми златее.* ‘Напиши отзыв, когда попробуешь ее [краску для волос], а то цвет на снимке никак [мне] не выглядит "ultra ash", а **кажется** прямо-таки золотистым’.

Показателями неуверенного знания служат местоимения, указывающие на нечеткость видения и неясность причин нарушения восприятия (*нещо* ‘что-то’, *някак* ‘как-то’) или средства выражения недостоверности (частица *май* ‘как будто, вроде’, эпистемические глаголы в соседних предикациях (*изглежда* ‘выглядит’)).

Толкование датива как субъекта оценки возникает в условиях, когда говорящий сообщает свою личную точку зрения на цветовую характеристику объекта, оценивая ее по отношению к норме – общепринятой или своей собственной. В таких случаях, в отсутствие визуальных затруднений, выражается несоответствие цветового признака, отклонение его к другому цвету:

(6) *Цветът леко ми сивее за кремав.* ‘**По-моему**, этот цвет несколько более серый, чем должно быть для кремового’.

Часть примеров здесь можно трактовать как содержащие особый тип оценки – «утилитарную оценку» [Арутюнова 1988: 68, Циммерлинг 2021: 302], или, точнее, оценку несоответствия: имеющийся признак сопоставляется не с нормой, а с возможностью удовлетворить конкретные потребности субъекта мнения или его личные предпочтения, см. о дативе в русских конструкциях несоответствия типа *Ребенку этот стул высок*, где его функция близка к малефактивной [Кустова 2012]:

(7) *Лятото ползвах матирация на Лореал, но не ми подхожда за есента, розовее ми.* ‘Летом я пользовалась матирующим [кремом] Лореаль, но для осени он мне не подходит, **для меня** он слишком розовый’.

2. Предикаты вкусовых ощущений.

Датив при предикатах вкусового или другого контактного восприятия, в отличие от цветовых, – довольно распространенное в литературном болгарском языке явление, и оно часто не содержит никакого другого значения, кроме экспериенциального.

Это отражено и в современных словарях, напр. [РБЕ 1977–2015]:

киселея *нсв. нпрх.* О фруктах, еде и под. — иметь кислый привкус. *Виното киселее.* ‘Вино кислое, имеет кислый вкус’.

киселее *ми нпрх.* Чувствовать кислый вкус. *Киселее ми в устата.* ‘Мне кисло во рту; я чувствую кислый вкус во рту’.

Таким образом, предложение *Киселее ми в устата* обозначает то же состояние, что и предложение с предикативом на -о: *Кисело ми е в устата* 'Мне кисло во рту'.

Глаголы воспринимаемого органами чувств вкусового признака (такие как *соленее, сладнее/сладни, киселее, горчи, нагарча*) способны употребляться в трех типах конструкций:

1) как одноместные предикаты, третьеличные; объект – стимул вкусового ощущения находится в позиции подлежащего. Указывается, что вещество имеет некоторый вкусовой признак или привкус. Чаще всего идет речь о нехарактерном вкусовом признаке или нарушении привычных пропорций.

(8) а. *Картофите сладняха*. '[Подмороженная] Картошка была сладкая'. б. *Водката нагарча*. 'Водка слегка горчит';

2) как безличные предикаты с экспериенцером, выраженным дативом, часто с актантом-стимулом и/ или с локативом, обозначающим контактную поверхность:

(9) а. *Аз сложих малко захар, да не ми киселее от краставичките*. 'Я положила немного сахара, чтобы мне не было кисло из-за (соленых) огурчиков'.

(10) а. *Соленееше ми от сълзите ѝ*. 'От ее слез мне было солоно'. б. *В устата му соленееше*. 'Во рту у него было солоно';

3) в конструкции, включающей и приоритетный актант (объект, характеризующийся описываемым признаком, стимул ощущения), и дативную клитику. В таком случае через датив эксплицируется не только субъект вкусового ощущения, но и субъект мнения.

Здесь могут быть представлены те же два типа субъекта мнения (эпистемический, маркирующий кажущность, и оценочный, имеющий семантику несоответствия), хоть для предикатов вкуса они не всегда хорошо различимы.

В примерах (11) субъект мнения является эпистемическим субъектом: не вкус продукта виноват, а измененные условия восприятия. Так, после родов алкогольные напитки стали казаться невкусными, горькими, кислыми (11а); меняет вкус продуктов еда в одиночестве (11б):

(11) а. *След като родих, неизвестно защо, изведнъж алкохола ми опротивя*. *Не ми е вкусен, горчи ми, киселее ми...* 'После родов, непонятно почему, алкоголь мне стал противен. Кажется невкусным, горьким, кислым'.

б. *Без приятели не мога, всеки залък ми присяда, виното ми киселее, хляба сякаш камък става*. 'Без друзей не могу, каждый кусок комом встает, вино кажется кислым, хлеб — как камень'.

В примерах (12) представлен, скорее, субъект оценки (несоответствия). Речь идет о вкусовых пристрастиях как устойчивом признаке лица. Подчеркивается личная точка зрения на вкус данного вещества: продукт содержит вкусовой признак или привкус, который не устраивает субъекта оценки, не соответствует его потребностям или личным предпочтениям.

(12) а. *Не си падам по бялото вино, киселее ми*. 'Я не любитель белого вина, для меня оно кислотовато'. б) *Хлябът е много приятен на вкус, на мен леко ми сладни, но другите казват, че им бил екстра*. 'Этот хлеб на вкус очень приятный, лично для меня он сладковат, но другие говорят, что для них — то, что надо'.

В то же время часто при контактном типе восприятия эти значения трудно разделить:

(13) *Само българските вина ми понасят добре. Френски, италиански и т.н. или ми сладнят или ми киселят*. 'Я хорошо переношу только болгарские вина. Французские, итальянские и т.п. мне кажутся сладковатыми или кислотоватыми / для меня сладковаты или кислотоваты'.

Для того чтобы субъект при предикате вкусового восприятия однозначно был квалифицирован как эпистемический, нужны условия, которые указывают на измененное восприятие, как в (11) или, напр., (14):

(14) *Направих тиквеник и ми соленее, не мога да разбера от какво. Нищо солено не съм слагала*. 'Сделала пирог из тыквы и мне он кажется соленым, не могу понять почему. Ничего соленого не положила'.

Конструкции с предикатами восприятия, в которых датив прочитывается как субъект мнения, обладают некоторыми синтаксическими особенностями в сравнении с конструкциями с экспериенциальным субъектом.

1. Для эпистемического или оценочного прочтения обязательно, чтобы объект восприятия (стимул) был задан и занимал место приоритетного актанта. В отсутствие подлежащего датив толкуется как чистый экспериенцер:

(15) *След това добавяме настърганите домати и подправките, по желание можем да добавим и 1 к. л. захар, за да не ни киселее от домати.* ‘После этого добавляем натертые помидоры и специи, при желании можем добавить 1 кофейную ложечку сахара, чтобы нам не было кисло от помидоров’.

2. При эпистемическом субъекте причина, как правило, – это ситуация, затрудняющая или изменяющая восприятие, как заходящее солнце в примере (5а). Причина при экспериенциальном значении обычно называет стимул – объект, воздействующий своими вкусовыми характеристиками, напр. (9а), (10а).

3. Локатив как место локализации ощущения характерен для экспериенциальной функции датива (10б).

Рассмотрены две группы глаголов перцептивно воспринимаемого признака, представляющие дистантный и контактный путь восприятия, при которых воспринимающий субъект способен переосмысляться как субъект мнения (эпистемический субъект или субъект оценки /несоответствия).

Эпистемическая оценка – оценка степени достоверности высказывания [Плунгян 2011: 466–467] – появляется при непрямом доступе. Она легко обнаруживается в предикациях цветового восприятия с дативом. В случае со вкусовым восприятием нет не только непрямого доступа, но и общепринятой нормы, поэтому для реализации датива как эпистемического субъекта нужны особые контекстные условия.

В докладе кратко затронуты и другие группы предикатов болгарского языка, которые содержат датив как маркер субъекта мнения, – уже вне перцептивной ситуации.

Литература

Арутюнова 1988 — Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука. 1988.

Градинарова 2017 — Градинарова А.А. Некоторые особенности представления субъекта восприятия в болгарских конструкциях в сравнении с русскими // Язык. Текст. Дискурс. 2017. № 15. С. 58–65.

Кустова 2012 — Кустова Г.И. Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2012.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Москва, 2011.

Радева 1993 — Радева В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993.

РБЕ 1977–2015 — Речник на българския език. София: Институт за български език, 1977–2015 (электронный ресурс). URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения 23.06.2022).

Стаменов 2021 — Стаменов М. Конструкцияте с предикативи за психически състояния в българския език – номенклатура и диференциални характеристики // Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie. 2021. Vol. 10. С. 76–113.

Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А.В. Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. Отв.ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 45–70.

Циммерлинг 2021 — Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.-СПб.: Нестор-История, 2021.

Карпенко Людмила Борисовна

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва
(Самара, Россия)
liudmila.karpenko.53@mail.ru

Грамматические проблемы цифровой межкультурной коммуникации (на материале болгарского и русского языков)

Масштабному росту цифровой межкультурной коммуникации, наблюдаемому в последние годы, способствует распространение сетевых интернет-платформ и систем искусственного перевода. Автоматический способ оценки качества цифрового перевода, согласно оценке лингвистов, не дает адекватного результата, поскольку является формализованным и не решает проблемы понимания семантики текста. Общий вывод о качестве цифрового перевода передает, скорее, разочарование в способности электронных инструментов переводить содержание конкретной ситуации, программное обеспечение для цифрового перевода должно совершенствоваться на основе глобальных баз данных, предварительно переведенных вручную, то есть переводчиками, а не машиной.

До сих пор недостаточно внимания уделялось выяснению причин неспособности электронного переводчика понять смысл переводимой фразы, определению степени и характера влияния языка-посредника. Amram A, Ben David A, & Tsarfaty R. отметили роль английского языка, закодированного в вычислительном лингвистическом мышлении [Amram, Ben David, Tsarfaty 2018; Baden 2021]. Одним из пробелов в исследованиях качества цифрового перевода, на наш взгляд, является отсутствие подробного лингвистического анализа, проводимого на конкретных языках. Недостатки межславянского цифрового перевода на основе программ с английским языком и типы коммуникативных неудач на разных языковых уровнях при переводе с болгарского языка на русский были показаны автором [Карпенко 2021].

В докладе анализируются грамматические проблемы качества цифрового межъязыкового перевода на материале болгарского и русского текстов, опубликованных в ресурсах Facebook в период с 2015 г. по 2021 г. Анализ материала показывает, что программы цифрового перевода не настроены корректно на грамматическую специфику славянских языков. В исследуемом материале фиксируются ошибки, обусловленные спецификой славянских грамматических систем, связанные с искаженным представлением семантики вида, наклонений и времен глагола, коммуникативный эффект которых состоит в изменении модуса высказывания. В наибольшей степени искажают смысл исходного текста ошибки, деформирующие денотативную целостность ситуации, отраженной в тексте оригинала. На грамматическом уровне к ним относятся следующие:

1) ошибки родовой соотнесенности имен, местоимений и глагольных форм прошедшего времени, обусловленные, с одной стороны, отсутствием рода в английском языке-посреднике, с другой – спецификой оформления рода в болгарском языке. Коммуникативный эффект таких ошибок заключается в нарушениях передачи пола действующих лиц;

2) отсутствие различия между местоимениями You единственного и You множественного числа в английском языке приводит к частым нарушениям в передаче количества действующих лиц;

3) на уровне синтаксиса типичны коммуникативные неудачи в воспроизведении грамматической роли порядка слов, ошибки перевода грамматикализованных предлогов и частиц болгарского языка, которые сказываются в деформации субъектно-объектных отношений, в изменении целевой семантики высказывания и др.:

Перловската река, фотографирана от Орлов мост през 1908 г. – Река Перловска, сфотографираная Орлиным мостом в 1908 году [Страница Старая София 10 апреля 2021]; *Нали уж човечеството трябваше единно и солидарно да се изправи срещу пандемията? – Человечеству якобы пришлось объединиться и солидарно столкнуться с пандемией.*

В целом искажения переводного текста, ведущие к разрушению смысла, наблюдаются на всех языковых уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Выявленные коммуникативные неудачи обусловлены не только системными различиями болгарского и русского языков, но и в значительной мере использованием в программах цифрового перевода английского языка как языка-посредника.

Литература

Amram, Ben David & Tsarfaty 2018 — Amram A., Ben David A., & Tsarfaty R. Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew. In: Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Santa Fe, New Mexico, 20-26 August 2018. P. 2242–2252. <https://aclanthology.org/C18-1190>.

Baden 2021 — Baden Ch. et al. Three Gaps in Computational Text Analysis. Methods for Social Sciences: A Research Agenda. In: Communication Methods and Measures. <https://www.researchgate.net>.

Карпенко 2021 — Карпенко Л.Б. Цифровая коммуникация и проблемы перевода (на материале болгарских и русских сетевых текстов // Foreign language teaching. 48 (3). P. 231–240.

Koeva Svetla Peneva

Institute for Bulgarian language Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences
(Sofia, Bulgaria)

Bulgarian Passive Diathesis

This research is carried out as part of the project An Ontology of Stative Situations in the Models of Language: a Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ/23 from 2020.

In the current piece of research, we make use of the model for formal description, proposed by Igor Mel'čuk and Alexander Kholodivich [Melchuk, Holodovich 1970; Melchuk 2006], in order to present the passive diathesis in Bulgarian and extend it to cases in which propositional semantics undergoes a change: in the case of the so-called impersonal passive diathesis in Bulgarian.

The conditions for the formation of passive diathesis in Bulgarian are most generally the following: the **basic diathesis** involves transitive perfective or imperfective verbs. In the derived diathesis the semantic relations of the subject and the complement to the predicate do not change,

but there are changes in their syntactic category and syntactic function. The morphological structure of the predicate also undergoes changes. Passive voice in Bulgarian is formed in two different ways: 1) **past-participial passive forms**: form of the auxiliary verb *съм* [sâm, be], *бъда* [bâda, be] or *бивам* [bivam, be] + **past-passive** participle (There is coincidence of the forms in resultative and non-resultative temporal categories), and 2) **se passive forms**: form of the conjugated verb + particle *се* [se, self] [Nitsolova 2008 among others]. Passive voice forms with *се* are restricted exclusively to third person singular and plural forms.

(1) *Деклараторът притежава недвижим имот.*

The undersigned person possesses a housing property.

(2) *Недвижимият имот е притежаван от декларатора. (past-participial passive)*

The housing property is possessed by the undersigned person.

(3) *Недвижимият имот се притежава от декларатора. (se passive)*

[The housing property *se*-possessed by the undersigned person]

The housing property is possessed by the undersigned person.

Impersonal past-participial passives and impersonal *се* passives illustrate the case of reduction of the semantic relations of both the subject and the complement to the predicate. Such constructions are formed from personal transitive and intransitive (non-reciprocal, non-reflexive) verbs of imperfective aspect with a fully-fledged paradigm for the category 'person' [Koeva 2004]. The impersonal passive forms coincide with the passive forms with the restriction to third person singular. In both the source and the resultant structure there could be other participants which are not involved in the transformation.

(4) *Момчето не лежи на леглото.*

The boy is not lying on the bed.

(5) *На леглото не е лежано. (impersonal past-participial passive)*

No one has lain on the bed.

(6) *На леглото не се лежи. (impersonal se passive)*

One cannot lie on the bed.

We will review the formation of passive participial diathesis and *се* passive diathesis in six groups of state verbs distributed in accordance with their being individual-level or stage-level predicates [Carlson 1977] and according to the semantic characteristics of their topical argument: expressing **psychological experience, physical experience, intentional participation, animacy and inanimacy**. We call a **topical argument** the argument that is a semantic subject with respect to the predicate notwithstanding whether it is realized as a syntactic subject or not and whether it is animate or not.

1. **Individual-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **psychological experience** (the verbs are of imperfective aspect). Provided the condition for transitivity has been met, a passive form can be formed: *някой знае | чувства* нещо [someone knows | feels something]; *някой желае (иска) | мрази | обича | помни | харесва* някого | нещо [someone wants (desires) | hates | loves | remembers | likes someone | something] (There are some restrictions in building *се* passives from verbs with animate objects [Koeva 2004]).

(7) *Момчето желае | обича | мрази | харесва | помни тази книга.*

The boy wants | loves | hates | likes | remembers this book.

(8) *Тази книга е желана | е обичана | е мразена | е помнена | е харесвана от момчето. (past-participial passive)*

This book is wanted | loved | hated | remembered | liked by the boy.

(9) *Тази книга се желае | се обича | се мрази | се помни | се харесва. (se passive)*

This book is wanted | loved | hated | remembered | liked.

Many verbs denoting the evocation of emotions can in passive voice form only past-participial passive forms: *смайвам, въодушевявам, удивявам, изненадвам* [amaze, enthuse, astound, surprise]. The corresponding verbs with *се* [se] have an independent non-passive general meaning: the experiencing of a given emotional state (12).

(10) *Подобни реакции ме удивяват | смайват | въодушевяват | изненадват.*

Such reactions astound | amaze | enthuse | surprise me.

(11) *Аз съм удивен | съм смаян | съм въодушевен | съм изненадан от подобни реакции. (past-participial passive)*

I am *astounded* | *amazed* | *enthused* | *surprised* by such reactions.

(12) *Аз се удивявам | се въодушевявам | се смайвам | се изненадвам от подобни реакции. (active)*

I get *astounded* | *amazed* | *enthused* | *surprised* by such reactions.

Individual-level states with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **psychological experience** do not form impersonal passive diathesis since the subject has the properties of an **experiencer**: *някой се безпокои за | се тревожи за | се надява на | се радва на | се гордее с | се вълнува от | се срамува от | се страхува от* [someone is bothered | worries (about), hopes | enjoys | is proud with | is excited about | ashamed of | afraid of someone | something], etc. The restrictions for passivisation have been shown for different languages with experiencer object verbs [Landau 2010].

2. **Individual-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **physical experience** (the verbs are of imperfective aspect).

Even if the condition of transitivity is met, no passive can be formed from verbs as: *някого го боли | сърби* нещо [something hurts | itches someone]. The reason is that the complement is an **experiencer** [Grimshaw 1990], which postulates yet another restriction in the formation of passive diathesis: the source complement should not be an experiencer. These verbs do not form also impersonal passive diathesis if an experiencer complement is attached to them.

3. **Stage-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **conscious** or **intentional participation** (the verbs are of imperfective aspect).

Provided the condition for transitivity has been met, a passive form is possible: *някой гледа | слуша* нещо [someone watches | listens to something].

(13) *Момчето слуша забавна музика.*

The boy listens to pop music.

(14) *Забавната музика е слушана в наши дни (от много хора). (past-participial passive)*

Pop music is listened to nowadays (by many people).

(15) *Забавната музика се слуша (в наши дни) (от много хора). (se passive)*

Pop music is listened to nowadays (by many people).

In the derived diathesis of such constructions the source subject is usually not expressed, or if expressed it has indefinite reference.

Impersonal passive diathesis is possible with stage-level states: *някой лежи | стои | седи | спи* някъде [somebody lies | stands | sits | sleeps somewhere]; *някой гледа | слуша* нещо [someone watches | listens to something].

(16) *Момчето не лежи | седи | стои | спи на леглото.*

The boy is not lying | sitting | standing | sleeping on the bed.

(17) *На леглото не е лежано | седяно | стояно | спано. (past-participial passive)*

No one has lain | sat | stood | slept on the bed.

(18) *На леглото не се лежи | седи | стои | спи. (se passive)*

One cannot lie | sit | stand | sleep on the bed.

4. **Individual-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **animacy**, but lacking all of the following characteristics: inner experience, physical experience or conscious participation (the verbs are of imperfective aspect).

Provided the condition for transitivity has been met, a passive form can be formed: examples (1), (2) and (3).

No cases of impersonal passive have been attested: *някой има (притежава)* нещо [somebody has (possesses) something]; *някой изглежда като* някого | нещо [somebody

resembles (looks like) someone | something], etc. In general, impersonal predicates (which also are part of this group) do not form impersonal passive: на някого му върви в | спори в нещо [something comes easy to | goes smoothly for someone].

5. **Individual-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **inanimacy**.

Some of these verbs easily tolerate a nominal group, which, however is not in a complement position: нещо тежи | гласи | наброява [something weighs | reads | amounts to], and consequently do not show passive diathesis (the test confirming this is the impossibility to substitute the nominal group with a short form of the corresponding personal pronoun). With other verbs from the group, all conditions are met: нещо обозначава | съдържа нещо [something identifies | contains something].

(19) Комисията **обозначава** всеки продукт.

The committee identifies every product.

(20) Всеки продукт **е обозначен** от комисията. (**past-participial passive**)

Every product is identified by the committee.

(21) Всеки продукт **се обозначава** от комисията. (**se passive**)

[Every product se-identified by the committee.]

Every product is identified by the committee.

No cases of impersonal passive have been attested among this group of verbs which is characterized by a very close subject-predicate relationship and the meaning cannot be expressed if there is no indication of the subject.

6. **Stage-level states** with a topical argument, identifiable by the inherent characteristic **inanimacy**.

No passive diathesis can be formed, since none of these verbs is transitive (нещо алее | блести (лъщи) | зеленое | искри | киселее | сладни | мирише | ухае [something looks red | glistens | looks green | sparkles | tastes sour | tastes sweet | smells | exudes a pleasant odor], etc. The impersonal passive diathesis is not observed as well. The general meaning of this group of verbs contains the premise that there is something that emits light, sound, smell, etc. and this component can not be omitted.

We can summarise that all state verbs are imperfective verbs. Transitive personal verbs representing individual-level states do form participle passive and *se* passive except for the verbs with experiencer object. Stage-level state predicates with an inanimate subject are always intransitive and they form neither passive nor impersonal passive diathesis.

A strong correlation between the experiencer and impersonal passive diathesis is observed. Both source structures with experiencer subject and experiencer object do not form impersonal passive diathesis.

In general, individual-level state predicates do not have corresponding impersonal passive diathesis. Stage-level state predicates build impersonal passive diathesis if their subject is identifiable by the inherent characteristic intentional participation.

References

Carlson 1977 — Carlson G. *Reference to Kinds in English*. Amherst: University of Massachusetts. PhD dissertation.

Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument Structure*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Landau 2010 — Landau I. *The Locative Syntax of Experiencers*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Melchuk 2006 — Mel'čuk Igor. *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.

Коева 2004 — Коева С. Семантично и синтактично описание на диатезите в българския език // Пенчев Й. и др. (ред.). *Българско езикознание*. Т. 4: *Когнитивна*

граматика на българския и френския език – описание и формализация. София: Издателство на БАН, 2004. 182–231. (Коева 2004: Коева S. Semantichno i sintaktichno opisanie na diatezite v balgarskiya ezik. // Penchev J. i dr. (red.). *Balgarsko ezikoznanie*. T. 4: *Kognitivna gramatika na balgarskiya i frenskiya ezik – opisanie i formalizatsiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 2004. 182–231.)

Мелчук, Холодович 1970 — Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*. No 4. С. 111–124. (Melchuk, Holodovich 1970: Meľčuk, I.´ and A. Xolodovič. K teorii gramaticheskova zaloga // *Narody Azii i Afriki*, No 4, с. 111–124.)

Ницолова 2008 — Ницолова Р. *Българска граматика. Морфология*. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2008. (Nitsolova 2008: Nitsolova, R. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Ohridski, 2008.)

Кукова Христина Николова

Институт българского языка им. проф. Любомира Андрейчина,
Болгарская академия наук
(София, Болгария)
hristina@dcl.bas.bg

Овсянникова Мария Александровна

Институт лингвистических исследований, Российская академия наук
(Санкт-Петербург, Россия)
masha.ovsjannikova@gmail.com

Сентенциальные аргументы при предикатах зрительного и слухового восприятия в болгарском и русском языках

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005 «Онтология состояний в лингвистических моделях: сопоставительное исследование болгарского и русского языков») и Национального научного фонда Болгарии (проект «Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски», Фонд «Научни изследвания», Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2020 г., № КП 06 РУСИЯ/23).

Объектом исследования являются употребления неагентивных глаголов зрительного и слухового восприятия с подчиненным предложением (сентенциальным дополнением). Рассматриваются глаголы *виждам* — *видя* и *чувам* — *чуя* в болгарском языке и *видеть* — *увидеть* и *слышать* — *услышать* в русском языке с союзами *че* и *как* в болгарском языке и *что* и *как* в русском языке. Материалом исследования послужили тексты параллельного болгарско-русского подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Цели исследования включают рассмотрение связи между распределением союзов, с одной стороны, и аспектуальностью и временем глаголов, с другой, выявление общего и различного в выборе союзов в зависимости от модуса восприятия, установление формальных соответствий между болгарскими и русскими конструкциями: глаголами и их формами, союзами и другими типами оформления сентенциальных дополнений.

При анализе мы отталкиваемся от представления о том, что союз *как* в обоих языках связан с описанием непосредственного восприятия, а союзы *че* и *что* – с компонентом

ментальной обработки воспринятой ситуации, см. [Коева 2021: 19; Кобозева 1988: 87–88; Летучий 2021: 281–283; Ницолова 2008: 266; Mitkovska, Vužaravska 2021].

Прежде всего, было обнаружено, что глаголы НСВ почти всегда соответствуют друг другу, а болгарским глаголам СВ может соответствовать русский глагол и СВ, и НСВ. Это связано с различиями в аспектуальных отношениях между глаголами в болгарских и русских парах, в частности с тем, что русские глаголы НСВ *видеть* и *слышать* часто описывают завершённую ситуацию восприятия в прошлом (1). В болгарском языке в этих контекстах используются глаголы СВ *видя* и *чуя*.

(1а) *Левий был в толпе и слышал, как прокуратор объявил приговор.*

(1б) *Леви беше в тълпата и чу как прокураторът обяви присъдата.*

Также в обоих языках и для обоих типов восприятия наблюдается связь между глаголом НСВ и союзом *как* и глаголом СВ и союзам *че / что*. Общим для русских и болгарских глаголов НСВ является передача значения текущего восприятия (2), с которым и связан союз *как*. Глаголы СВ скорее описывают переход в новое состояние, т.е. при союзах *че / что* они вводят суждение, являющееся результатом ментальной обработки воспринятой ситуации (3).

(2а) *Он слышал, как бешено стучит ее сердце.*

(2б) *Той чуваше как сърцето ѝ лудо бие.*

(3а) — *Какви мерки! — сега видях, че и брат Д'Обюсон е способен на чисто човешка злоба.*

(3б) — *Какие меры! — Я увидел, что и брат Д'Обюссон способен на чисто человеческую злость.*

Существует ряд различий в распределении союзов при глаголах зрительного и слухового восприятия. Во-первых, в обоих языках глаголы НСВ *виждам* и *видеть* при союзе *че / что* чаще употребляются в настоящем времени. Эти формы в основном относятся к 1 или 2 лицу в диалогической речи. В таких контекстах подчеркивается тот ментальный вывод, который можно сделать на основании наблюдаемой ситуации (4).

(4а) — *Я вижу, что нам придется продолжать разговор в другом месте, — злоеце сказал дон Рэба.*

(4б) — *Виждам, че ще трябва да продължим разговора на друго място — злоецо каза дон Реба.*

Для слухового восприятия существенного преобладания настоящего времени при конструкциях с *че* и *что* не наблюдается — по-видимому, потому, что они чаще описывают не инференцию на основании наблюдаемой ситуации, а получение информации от другого лица (5), для которого референция к настоящему неестественна.

(5а) *Бях чувала, че братята тогава показвали Джем в целия му блясък — тъй оправдавали огромните разходи по неговата издръжка.*

(5б) *Я слышала, что братья показывают тогда Джема во всем его великолепии, тем оправдывая огромные расходы на его содержание.*

Другое различие касается частотности употребления в перфектных формах болгарских глаголов НСВ *виждам* и *чувам*. Оба эти глагола при референции к прошлому в основном употребляются в имперфекте, однако у первого частотность перфектных форм несколько выше в конструкциях с *как* (6), у второго — в конструкциях с *че* (5).

(ба) *Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.*

(бб) *С очите си съм го виждала как помага на бедните, как раздава всичките пари, които носи в себе си.*

Это различие может быть связано с тем, что глаголы зрительного восприятия в перфекте чаще передают наличие у участника опыта наблюдения некоторой ситуации, а глаголы слухового восприятия чаще описывают факт получения информации от другого лица в прошлом.

Литература

Кобозева 1988 — Кобозева И.М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Знание и мнение. Москва: Наука, 1988. С. 82–98.

Коева 2019 — Коева С. Комплементите в български // В. Мичева, Д. Благоева, С. Колковска, Т. Александрова, Х. Дейкова (отв. ред.). Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 14–15 май 2019 г.). София, Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2019. С. 57–68.

Летучий 2021 — Летучий А.Б. Русский язык о ситуациях: конструкции с сентенциальными актантами в русском языке. Санкт Петербург: Алетей, 2021.

Ницолова 2008 — Ницолова Р. Проблематика на сложните изречения с комплементи в българския език // Южнословенски филолог. No 64 (2008). С. 261–272.

Mitkovska, Bužarovska 2021 — Mitkovska L, Bužarovska E. Clausal complementation of visual perception verbs in Balkan Slavic // B. Wiemer, B. Sonnenhauser (eds.). Clausal Complementation in South Slavic. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter. P. 270–314.

Стаменов Максим Иванов

Институт българского языка им. проф. Любомира Андрейчина,
Болгарская академия наук
(София, Болгария)
maxstam@bas.bg

Предложения без подлежащих, безличные глаголы и формы выражения субъективности в болгарском языке

Исследование выполнено по проекту «Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски» по линии Фонда «Научни изследвания», Договор №КП-06-РУСИЯ/23 по «Програма за двустранно сътрудничество България-Русия 2020 г.».

Хорошо известна классификация предложений без подлежащих (безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных) в болгарском языке, представленная в ГСБКЕ [1983: 82–96]. Разграничение их разновидностей основано на вариантах лица глагола с учетом его синтаксической реализации при отсутствии согласования между подлежащим и сказуемым в структуре предложения. Под каноническим подлежащим мы понимаем т. нар. референциальное подлежащее, для которого характерно то, что: (1) оно реализовано в им. пад.; (2) контролирует согласование с предикатом; (3) контролирует неличные глагольные формы; (4) связывает возвратное местоимение [Осенова 2019: 176].

Поскольку в рассматриваемых типах предложений подлежащее не находит выражения, в нем нет и согласования лица и числа со сказуемым. Неопределенно-личными

являются односоставные предложения, основной член которых выражен глаголом в 3 л. мн. ч. В обобщенно-личных предложениях основной член выражен глаголом во 2 л. ед. ч. или в 1 и 2 л. мн. ч. Безличными являются односоставные предложения, основной член которых выражен глаголом или предикативом со связкой в 3 л. ед. ч. Как видно, при наличии трех различных возможностей выражения лица исключенным остается вариант использования 1 л. ед. ч. как способа маркировки лица глагола, а также коррелятивная возможность употребления личного местоимения в 1 л. ед. ч., с помощью которого выражаются субъективные состояния, непосредственный доступ к которым дан только индивиду, непосредственно их переживающему. В последнем случае мы не имели бы другого выбора, кроме употребления определенно-личного предложения, например *Аз съм радостен*, с экспериенцером в им. пад., т.е. здесь проходит основополагающая демаркационная линия безусловного взаимоисключения по способу выражения определенности в лице между определенно-личными предложениями и таковыми без подлежащих (безличными, неопределенно-личными и обобщенно-личными).

Следует отметить, что практически все типы предложений без канонических подлежащих релевантны человеческому (субъективному) миру, включая AMBIENTНЫЕ естественные состояния (*развиделява се* «рассветает», *мръква се* «смеркается», *вали* «идет (дождь)»), поскольку эти природные явления относятся к подразумеваемому перцептуальному субъекту. Аналогичное рассуждение можно провести по отношению оснований для предикации наличия и существования, а также для возможности и необходимости, используя при этом метрику возможных миров (поскольку реальный лишь один из них на основании разграничения альтернативных ему в настоящем, прошлом и в будущем).

Основные типы безличных глаголов можно разграничить, используя для этого два главных критерия. В первую очередь это глаголы из нескольких основных семантических групп, обозначающих субъективные переживания. Среди них выделяются глаголы для физиологических и психических состояний лиц, наличия или отсутствия чего-либо или модальности [ср. Маслов 1982: 191], глаголы для межличностных чувств, отношений и т. д., а также предикаты для эмоциональных состояний и оценки. Во-вторых, речь идет о безличных формах переходных и непереходных глаголов, являющихся деагентивными и дефектными по лицу, числу и роду [Ницолова 2008: 227]. К ним следует прибавить некоторые возвратные глаголы (*мразим се*, *обичаме се*) и т. д. (более подробный обзор в [Атанасов 2015]). В докладе специально рассматриваются безличные глаголы, которые могут присоединять *да*-предложения (подчиненные предложения с союзом *да*). Они являются функциональным эквивалентом инфинитива в русском языке и представлены по их классификации в публикации Александровой [2019].

В результате обсуждения становится видно, что основные возможности выражения субъективных переживаний и оценок, которые можно высказать с помощью предложений без канонических подлежащих, основываются на нескольких взаимодополняющих друг друга стратегиях, построенных на лексико-семантической, морфологической и синтаксической основе. Их цель состоит в том, чтобы с помощью различных средств добиться устранения или минимизации возможностей реализации подлежащего в именительном падеже в 1 л. ед. ч. (*Я*, который обращается к собеседникам или самому себе при речевом мышлении) языковыми средствами. Иными словами, в основе возможностей проявления субъективности (в том виде, в каком категория была введена Бенвенистом [1974а, 1974б]) на обсуждаемых нами уровнях языковой структуры лежит противопоставление личных предложений и предложений без подлежащих.

Язык предоставляет носителю болгарского разнообразные средства для того, чтобы не принимать персональную ответственность от первого лица за то, что происходит с ним, за субъективные оценки и мнения. В докладе мы обсудили две такие стратегии: (1) с помощью использования специализированных типов структур предложения – безличных,

неопределенно-личных и обобщенно-личных; (2) с помощью использования определенного класса глаголов, т.наз. безличных глаголов. В рамках проведенного обсуждения остается ответить на вопрос, когда выбор таких средств становится предпочтительным, если говорящий имеет в виду самого себя? Это имеет место, когда Я хочет себя представить, вольно или невольно, не как ответственного в им. пад. от 1 л. ед. ч. за то, что творится в собственном доме. Как видим, болгарский язык дает нам в этом отношении множество альтернатив на уровне выбора лексических средств и синтаксических структур. Если это эгоцентричность/субъективность, то она выходит за пределы Я в функции референциального подлежащего. Иными словами, в докладе был представлен обширный список языковых средств выражения самосознания, в которых Я как субъект сознания не фигурирует.

Литература

Александрова 2019 — Александрова Т. Някои акомодационни характеристики на простите синтактични групи от структурния тип безличен глагол → да-конструкция с личен глагол: V1 (безличен) → даV2 (личен) // Български език. 2019. LXVI. 4. С. 104–112.

Атанасов 2015 — Атанасов А. Класификация на безличните предикати в съвременния български език // Български език. 2015. 62. 3. С. 38–53.

Бенвенист 1974а — Бенвенист Э. Природа местоимений // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974. С. 285–291.

Бенвенист 1974б — Бенвенист Э. О субъективности в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974. С. 292–300.

ГСБКЕ 1983 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3: Синтаксис. София: Издателство на БАН, 1983.

Маслов 1981 — Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. Москва: Высшая школа, 1981.

Ницолова 2008 — Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: «УИ Св. Климент Охридски», 2008.

Осенова 2019 — Осенова П. Параметри на нулевата субектност в българския език // Лингвистични проблеми. 2019. I. 1. С. 173–179.

Tisheva Yovka V.

Sofia University “St. Kliment Ohridski”

(Sofia, Bulgaria)

tisheva@uni-sofia.bg

Temporal and Manner Modifiers of Stative Predicates in Bulgarian

This research is carried out as part of the project “An Ontology of Stative Situations in the Models of Language: a Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian” funded by Bulgarian National Science Fund under the Program for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. КП-06-РУСИЯ/23 from 2020.

The internal structure of the situations described by the verb determines the *lexical aspect* (or *Aktionsart*) of the particular verb. Following Vendler's classification [Vendler 1957], verbs can be categorized into four aspectual classes: activities, accomplishments, achievements and states. Duration and lack of change are the main features of states. Stative situations are open-ended, without any temporal boundaries. There are no stages or periods in the event structure of these situations therefore stative predicates like *know, believe, have, desire, love, understand, be happy*, etc. are characterized as [-telic] [-stages].

Verbs denoting states belong to different lexical groups: Existence, e.g. *съществувам*; Possession, e.g. *имам*; State or condition, e.g. *боледувам*; Pure location, e.g. *намирам се*; Perception, e.g. *гледам, чувам*; Cognition, e.g. *зная*; Desire, e.g. *искам, желая*; Propositional attitude, e.g. *вярвам*; Internal experience, e.g. *чувствам, изпитвам*; Emotion, e.g. *обичам, радвам се* [for more details on Bulgarian see also Коева 2021]. Verbs from different aspectual classes differ in their event structure as well as in the way their arguments are syntactically expressed. Predicates denoting states can be verbal – *гледам, усещам, страхувам се, мисля*, etc., or adjectival – *болен съм, радостен съм, весело е, весело ми е*, etc. Differences in the argument structure of stative predicates are also observed. Verbs like *лежа, седя* can have one argument only, *гледам, обичам, имам* have two-argument structure, while *мисля, знам* are three-argument predicates.

The main topic of my talk are verbal stative predicates denoting emotions. They are also known as Psych verbs or Experiencer verbs, because one of their arguments has the semantic role experiencer. There are two groups of Experiencer verbs: Subject Experiencer verbs (fear-type) and Object Experiencer verbs (frighten-type). Fear-type verbs describe static states whereas, in certain contexts, frighten-type verbs can denote events. The analyses in this text are limited to verbs of the first group only, for example *обичам, обожавам, мразя, ненавиждам; радвам се, страхувам се, безпокоя се, плаша се*. The purpose of the analysis is to present the possibilities for temporal and manner modifications of verbal predicates denoting emotions.

To confirm that states denote cumulative, non-dynamic, and homogeneous situations D. R. Dowty sets out eleven syntactic and semantic criteria for identifying stative predicates [Dowty 1979]. Two of these criteria are based on the compatibility with adverbs and adverbials from certain groups. Statives do not occur with agentive adverbs like *deliberately, carefully, willingly*. Statives do not occur with durative temporal *for*-phrases or with time span *in*-phrases.

Adverbs from both groups mentioned by Dowty are predicational adverbials, which attribute a (gradable) property to the verbal or sentential referent they modify [Ernst 2002]. Temporal modifiers are part of the group of event adverbials. Those that Dowty calls agentive adverbs are part of the group of subject-oriented adverbials. According to Ernst's classification, *cleverly, stupidly, wisely, foolishly, rudely, intelligently, carefully* are agent-oriented adverbs [Ernst 2002: 54-62]. Agent of the adverbial predicate is neither a semantic role nor a position related to the subject of the sentence, but “entities that can control the eventuality in question in that they can choose not to do some action, enter into a state, and so on” [Ernst 2002: 55].

Temporal adverbials can denote a precise moment (punctual time) or duration of a process or situation. Verbs denoting emotions cannot be modified by punctual time adverbials:

**В 5 часа* мразех паяците.

**В пет часа* вече се радвахме на победата.

Verbs like *обичам, мразя* do not occur with adverbials denoting a short period, while verbs of emotional states can have such modification:

**Вчера* много обичах шоколад. **В понеделник* много обичах шоколад.

Вчера се радвахме на пеперудите в градината.

If adverbs denote a continuous period or an initial moment of a period, they can modify verbs of emotions:

Като дете много обичах шоколад. *В детството* си много мразех паяците.

Като дете много се страхувах от тъмното. И *това лято* ще се радваме на Международния куклен фестивал „Рачо и Дешка“.

Durative time adverbials (NPs or за-phrases) do not occur with stative verbs denoting emotions or feelings:

**За два часа / Два часа* го мразех / ще го мразя.

* *За два часа / Два часа* се радвахме на победата / ще се радваме.

Homogeneity is the main feature of eventuality structure of the verbs from aspectual class of states. Statives denoting emotions or feelings neither occur with punctual time adverbials, nor with time span за-phrases. Adverbials for time interval can be used only with predicates of dynamic states like *радвам се, веселя се*:

**От един час* го обичаше / мразеше.

От един час се радвахме на фокусите на клоуните в парка.

От два дни се страхувам да изляза сама на улицата.

Subject-oriented adverbs of manner that suggest an agent-like properties of the subject do not occur with stative verbs denoting emotions

*Обича я / Мрази го / Страхува се / Безпокои се / Радва се *съзнателно, внимателно, старателно, интелигентно, учтиво, мъдро...*

If subject-oriented adverbs, e.g. *страстно, горещо, невероятно*, are used, they function as intensifiers conveying high or extreme degrees of emotion, but not the manner experiencer expresses his/her feeling:

Зная, че тя те обича *страстно*; Аз *страстно* обичам театъра.

Обичам *страстно*, мразя *страстно*; Обожавам природата, но *страстно* мразя пътищата, а най-много мразя останалите хора по пътищата.

In these examples, subject-oriented adverbs are degree adverbials. They are lexical means for expressing degree of superiority (relative). In general, manner and degree adverbials have similar characteristics. They are verb-related adverbials more closely connected to the verbal referent. In contrast to temporal modification, degree modification (gradation) is very homogeneous and always related to an intensity scale. The observations confirm the conclusions that experiencer verbs do not form a homogeneous class of verbs [Fleischhauer 2016] and have relatively few modifiable semantic features compared to dynamic predicates [Ernst 2016].

References

Коева 2021 — Коева Св. Предикати за състояние: свойства и лингвистични тестове // *Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*. 2021. № 10. С. 137–157.

Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1979.

Ernst 2002 — Ernst T. *The syntax of adjuncts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Ernst 2016 — Ernst T. Modification of Stative Predicates // *Language*. 2016. Vol. 92. No 2. Pp. 237–274.

Fleischhauer 2016 — Fleischhauer J. *Degree Gradation of Verbs*. Düsseldorf: Düsseldorf University Press, 2016.

Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and Times // *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66, No. 2. Pp. 143–160.

Todorova Maria A.

Institute of Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences
(Sofia, Bulgaria)
maria@dcl.bas.bg

Idiomatic and Idiomatised Predicative Constructions

This research is carried out as part of the project An Ontology of Stative Situations in the Models of Language: a Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian funded by the Bulgarian National Science Fund under the Programme for Bilateral Cooperation, Bulgaria – Russia 2019 – 2020, Grant Agreement No. KII-06-РУСИЯ/23 from 2020.

1. Object and Goals of the Study

The category of state is a general semantic field, which is characterized by "the presence of the object in some unchanged state, which is not the result of direct influence of someone for a certain period of time" [Zimmerling 2010: 549] or some kind of assessment [Rozhnovskaya 1959; Georgiev 1990; Petrova 2018].

State predicative constructions (PC) in Bulgarian are a specific set of elements: auxiliary verb, noun/adjective/adverb/noun group, obligatory or optional dative or accusative pronoun clitic [see Todorova et al 2021]. Idiomatic constructions and idioms with predicatives are their subtype. Their description is part of the typology of predicative constructions with a view of the needs of the linguistic modeling of the ontology of state situations.

Based on the thesis of the Grammar of Constructions [Stamenov 2006; Goldberg 2013 etc.] that equivalent syntactic structures contribute to the construction of meaning in an equivalent way, and the syntactic structure is related to semantic interpretation we aim at classification and typology of predicative constructions according to formal criteria defining their component composition, forms and boundaries and specifics of the linear structure along with the classification of state semantics expressed by predicative constructions with a view to ontology of state situations.

Seeking the answer of the questions whether predicative constructions represent semantic integrity and whether one of the components bears the semantic content of the whole, we follow the distinction between constructions and structures made by A. Zimmerling [2021]. Structures are syntactic patterns in descriptive linguistics that impose selective restrictions on the choice of the lexical filling and have an invariant semantics, which is preserved with lexical substitutions. Constructions in Construction grammar are complex objects, where the meaning of the whole is idiomatic.

2. The Linguistic Resources

We used different POS tagged linguistic resources to extract potential idiomatic predicative constructions in Bulgarian and to examine their parallel examples in Russian: a) a collection of examples derived from Bulgarian National Corpus [Koeva et al. 2014] comprising over 10,000 sentences [Todorova et al. 2021]; b) a database of 927 examples of predicative constructions with parallel examples for the use of predicatives extracted from the Parallel corpus of Russian and Bulgarian texts, part of the Russian National Corpus [Dimitrova et al. 2022] c) a subset of VMWEs from a large dictionary of over 86,373 compound lexical items [Stoyanova, Todorova 2014].

The data of predicative structure groups was derived from all the resources using the classification of predicative constructions in Bulgarian (described in Todorova et al. [2021]).

3. Types of Predicative Constructions with Idiomatic Semantics

After manual selection of the extracted data two types of constructions were noticed: Idiomatised Structure PC with and Idiomatic Constructions PC.

3.1. For the **PC with idiomatised structures (ISPC)** it is typical that some of the `Structure` features are violated. They are characterised with synthetic stability and coherence of the components of the predicative construction, represented by structural and, or paradigmatic fixedness and a closed set of component lexical substitutions. Such are the impersonal nominative/adjective/adverbial predicative constructions with overall semantics of assessment where the meaning of the semantic whole is composed from the meaning of components. The structure fixedness is represented by the copulative verb fixed in 3 p. sg, and variations of restrictions on component structure, described in the subtypes below with the Bulgarian - Russian parallel examples:

3.1.1. ISPC, with constant component structure - a noun and an auxiliary verb in 3 p. sg. The component structure does not allow the participation of a dative or accusative clitics. The N position components are fixed in sg. form and belong to a limited lexical set: срамота `shame`, грехота `sin`, щастие `happiness`, радост `joy`, грях `sin`, чудо `miracle`, обида `insult`, смелост `courage`, позор `shame`, късмет `luck`.

Examples: *Беше чудо, че изобищо е оцеляла.* (It was a miracle that she survived)

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences:

Ехей, слънчице, трябва да си правиш педикюр, срамота е, голяма си вече... — Э-э, солнышко, педикюр надо делать, стыдно – взрослая уже... (Б. Акунин).

Грехота беше да изпусне такъв момент. — Это был момент, который упустить было бы грешно. (М. Булгаков).

3.1.2. ISPC, with semi fixed component structure - a noun, an auxiliary verb in 3 p. sg. and a facultative dative pronoun clitic. The N position components are fixed in sg. form and belong to a limited lexical set of abstract nouns: време `weather`, мъка `sorrow`, пролет `spring`, лято `summer`, есен `autumn`, понеделник `Monday`.

Examples: *Време (му) беше да отлети от гнездото.* (It was time (for him) to fly out of the nest.)

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences:

Време ми е... – целунах О, стиснах ръка на R и тръгнах към асансьора. — Ну, мне пора... – и я поцеловал О, пожал руку R, пошел к лифту. (Е.И. Замятин)

3.1.3. ISPC, with constant component structure - a noun an auxiliary verb in 3 p. sg. and accusative pronoun clitic. The N position components are fixed in sg. form and belong to a limited lexical set of abstract nouns: срам `shame`, страх `fear`, яд `rage`, гъдел `tickle`, грижа `care`, шубе `fear`, гнус. `disgust`.

Example: *А от ектоплазмата ме е гнус.* (And I hate ectoplasm)

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences: *Страх ме е сама вкъщи, а съм изключила мобилния си телефон. — Одной дома жутковато, а сотовый я отключила.* (Т. Полякова)

Какво ме е грижа за майка ми? — Что мне до матери? (Н. Гоголь)

4.1.4. ISPC, with constant component structure - an -o word (adverb/adjective/participle); auxiliary verb in 3 p. sg. and a dative pronoun clitic. The -O WORD position components are fixed in neutral, sg. form and belong to a limited lexical set of -o words (adverb/adjective/participle) with figurative meaning.

Example: *Криво ми е, че не ме разбира.* (I'm upset that he doesn't understand me)

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences: *Само ми е жално за твоите младини — Только жаль мне тебя, молодой ведь совсем* (Ив. Вазов)

Typical for ISPCs are – verbal correspondences via reflexive and inchoative diathesis, which also can be interpreted for periphrastic transformations. Such are described in Ivanova et al. [2022] for with ISPCs accusative pronoun clitics (cf 3.1.3.): *гнус ме е (gnus me e) 'I'm disgusted' – гнуся се (gnusya se) – догнусее/догнусява ме (dognusee / dognusyava me)* and in Jhonova 2003

for ISPCs with dative pronoun clitics (cf 3.1.2.) *криво ми е (krivo mi e) 'I'm upset' – кривя се (krivya se) – докривее / докривява ми (dokrivee / dokrivuyava mi).*

3.2. **Idiomatic constructions with PC (ICPC)** answer the `Construction` feature requirements. ICPCs are semantic whole where predicative construction elements are characterised with implicit connection. The meaning of the semantic whole is not composed from the meaning of components and the fixedness of the structure does not allow periphrastic transformations. The degree of optionality or fixedness of the auxiliary verb in the constructions defines two main subgroups: ICPC with an obligatory auxiliary verb like *печен съм (pechen sam) 'have experience'* and ICPC with a facultative auxiliary verb like *широка душа съм (shiroka dusha sam) 'to be in good faith'*. The definition of construction types is still in progress. Some of the types, represented in the data are described below with the Bulgarian - Russian parallel examples:

3.2.1. ICPC, with component structure of a -o word, dative pronoun clitic and an auxiliary verb.

Example: *писано ми е (pisano mi e) 'its my faith'*

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences: *Не ми е писано, значи, не ми провървя. — Не судьба, значит, не повезло. (А. Стругацкий)*

Право казано, на мен в края на краищата ми е все едно, защото... — По правде говоря, мне в конце концов все равно, потому что (А. Гуляшки)

3.2.2. ICPC, with component structure of a participle, an auxiliary verb and a prepositional phrase – an idiomatised complement position.

Example: *Излязъл съм от строя (Izlyazal sam ot stroya) 'sth can't be used any more'*

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences: *Аз съм едва в началото на своята работа. Мене просто главата ми е пламнала. — Я только только начал свою работу, у меня и без того голова идет кругом. (П. Вежинов).*

3.2.3. ICPC, with component structure of an adverb and an auxiliary verb.

Example: *Тип топ съм (Tip top sam) 'to be ok'*

3.2.4. ICPC, with component structure of a prepositional phrase and an auxiliary verb.

Example: *В плен съм (V plen sam) 'feel captured from sth'*

3.2.5. ICPC, with component structure of a conjunction, an auxiliary verb, an adjectival phrase.

Example: *Като че съм паднал от небето (Kato che sam padnal ot nebeto) 's.o. is very inadequate'; като вейка съм (kato veyka sam) 'to be very thin'.*

3.2.6. ICPC, with component structure of a noun phrase – an idiomatised subject position, an auxiliary verb and a participle.

Example: *Животът ми е мил (Zhivotat mi e mil) 'not to dare to brake rules'*

3.2.1. ICPC, with component structure of a dative pronoun clitic, an auxiliary verb and a prepositional phrase.

Example: *за урок ми е (za urok mi e) 'it's a lesson for me'*

Examples of Bulgarian – Russian Parallel Correspondences: *Но все едно, това не ми е за първи път. — Но это всё равно, мне не в первой раз. (И.С. Тургенев)*

– *Това ми е за урок. — Это мне наука. (А. Беляев)*

4. Idiomatic PC and State Semantics

We use the universal ontological presentation proposed by Van Valin and Lapola [1997] where predicatives represent predicates for state and belong to two big ontological subclasses of locative *be in/ on '(x, y)* and non-locative predicates. Some of them are represented from the ICPCs, described in the table below:

Semantics	Examples
Assessment of Physical	<i>излязъл съм от строя (Izlyazal sam ot stroya) 'sth can't be used</i>

Condition	any more` <i>в плен съм (v plen sam)</i> `be captured from sth. or s.o.` <i>грози съм (rogi sam)</i> `feel very tired`
Assessment of Mental or Emotional Condition	<i>като че съм паднал от небето (kato che sam padnal ot nebeta)</i> `to be very inadequate` <i>тип топ съм (tip top sam)</i> `to be ok` <i>извън релси съм (izvan relsi sam)</i> `feel very confused` <i>извън себе си съм (izvan sebe si sam)</i> `feel very confused` <i>на гребена на вълната съм (na grebena na valnata sam)</i> `feel very excited`
Assessment of Characteristics or Attributes of s.o. or sth.	<i>вързан съм в ръцете (varzan sum v racete)</i> `s.o. is not very skillful` <i>гола вода съм (gola voda sam)</i> `s.o. or sth. is not valuable` <i>на/по сърце ми е (na/po sarce mi e)</i> `like sth. or s.o very much` <i>гърмян заек съм (garmyan zaek sam)</i> `to be very experienced` <i>живи моци съм (zhivi mosti sam)</i> `to be very thin`
Assessment of Location	<i>на преден план съм (na preden plan sam)</i> `to be in front` <i>на старта съм (na starta sam)</i> `to be on the beginning` <i>до кривата круша съм (do krivata krusa sam)</i> `to be far from the aimed location`

5. Conclusions

Predicative constructions are lexical units, part of the predicative structures whose features place them on the border between morphology and syntax. They are united by specific functions and semantics and some of them enter the field of lexicology. The grouping of predicative structures in different semantic classes is an argument in support of the hypothesis that regardless of the composite component structure, predicative structures are a semantic whole to which universal semantic features apply. Idiomatic and idiomatised PC belong to locative and non-locative ontological classes of the state category. The semantic feature *assessment* is obligatory for ICPCs.

Bibliography

Dimitrova et al. 2022 — Димитрова Ц., Тодорова М. Стефанова В. Езикова реализация на предикативни конструкции за състояние – корпусно изследване // *Паусиеви четения. Актуални тенденции в развитието на съвременния български език*. Пловдив 2021 (под печат).

Georgiev 1990 — Георгиев И. *Безличные предложения в русском и болгарском языках*. София: Народна просвета, 1990.

Goldberg 2013 — Goldberg A.E. Argument Structure Constructions vs. Lexical Rules or Derivational Verb Templates // *Mind and Language*. 2013. 28 (4). Pp. 435–450.

Ivanova et al. 2021 — Иванова Е.Ю., Джонова М.Г., Лесева С.И. Инхоативная деривация в болгарском языке: предикаты состояний и их производные // *Acta linguistica retropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2021. Vol. 17.3. Pp. 218–287.

Јһопова 2003 — Джонова М. *Изречения със семантичната роля експериенцер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен „доктор“. София, 2003.

Koeva et al. — Koeva S., Stoyanova I., Leseva S., Dimitrova T., Dekova R., and E. Tarpomanova. The Bulgarian National Corpus: Theory and Practice in Corpus Design // *Journal of Language Modelling*. 2012. Vol. 0. No 1. Pp. 65–110.

Petrova 2018 — Петрова Г. Именные предикативы, присоединяющие дателъный експериенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис // *Русский язык за рубежом*. 2018. 5. С. 24–29.

Rozhnovskaya 1959 — Рожновская М.Г. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва: Академии наук СССР. 1959. С. 379–432.

Stamenov 2006 — Стаменов М. Граматиката на конструкциите като алтернатива за описание на отношенията между синтаксис и семантика в граматиката и в лексикона. Част I: Основни идеи // *Български език*, 53 (2006). 4. С. 81–93.

Stoyanova, Todorova 2014 — Стоянова Ив., Тодорова М. Разработване на речници от съставни единици за български // *Езикови ресурси и технологии за български език*. София: Изд. на БАН, 2014. С. 185–201.

Todorova et al. 2021 — Тодорова М., Димитрова Ц., Стефанова В. Изследване на границите на предикативи за състояние в български // *Съпоставително езикознание*, XLVI. 2021. 4. Pp. 21–46.

Zimmerling 2010 — Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26 – 30 мая 2010 г.)*. Вып. 9 (16). Москва, Изд-во РГГУ, 2010. С. 549–558.

Zimmerling 2021 — Циммерлинг А.В. «Конструкция» и «структура»: инфинитивы и предикативы. 10.13140/RG.2.2.24883.30242.